

Свинина Анастасия, Фролова Анна

Приручить пламя: Метод Бравого

16+

16+

Анна Фролова

Приручить пламя: Метод Бравого

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Фролова А. В.

Приручить пламя: Метод Бравого / А. В. Фролова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Когда ты привык получать все, чего хочешь, влюбить в себя ведьму – не кажется проблемой. Вот только она – не обычная ведьма. Она – Вита Добровольская! Слишком упрямая, чтобы сдаться, слишком обжигающая, чтобы удержать... Слишком желанная, чтобы отпустить. Да к тому же еще – не свободная. Но что такое соперник, когда ты – Бравый, истинный Вожак? Ты всегда и всего добиваешься сам, и неважно, что для этого нужно – украсть из-под венца, запереть в логове или... показать себя настоящего. И теперь придется постараться, чтобы завоевать, приручить не просто ведьму – а само Пламя.

Содержание

СКАЗАНИЕ О МИРЕ ТЬМЫ.	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.	8
ПРОЛОГ.	8
ГЛАВА 1.	9
ГЛАВА 2.	17
ГЛАВА 3.	29
ГЛАВА 4.	43
ГЛАВА 5.	63
Конец ознакомительного фрагмента.	73

СКАЗАНИЕ О МИРЕ ТЬМЫ.

В начале не было ничего. Только море. Переменчивое, жестокое, но в то же время спасительное и ласковое, дающее укрытие и пищу. У моря была душа, и так уж вышло, что душа эта получила женское тело – за свою непостоянность.

Эта женщина выпустила из своих вод великих детей-богов – Небо-Ану, Землю-Нинхурсаг и Ветер-Энлиля. Ей дали имя Намму, или «Матерь всех богов». Мир начал обретать свои очертания.

И Намму предложила создать человека, чтобы он молился богам, приносил жертвы и тем самым увеличивал их силу и власть. Людское племя множилось и усердно поклонялось богам, строя немыслимые по сложности храмы и проводя кровавые ритуалы. С появлением людей начали возникать и новые боги – сестры Смерть-Эрешкигаль и Красота-Иштар, Исцеление-Нинисина, бог войны-Эрра, мудрости-Энки ...

Боги жили в мире и процветании, питаясь любовью и жертвами человечества, но ничто не длится вечно, а свои пороки люди получили именно от своих создателей.

Среди небожителей стали ходить слухи, что некоторые получают больше других, что власть захватили женщины – им подчинялось все самое важное: жизнь, смерть, здоровье, красота и плодородие почв, на которых жили и работали люди.

И мужчины уговорились, что вытеснят женщин с пьедестала власти. Как так – у созданий главенствуют мужи и воины, а у создателей – те, что наряжаются в золото и часами расчесывают волосы, любуются на себя в зеркала?!

Так, почвы перестали приносить урожай, на деревни и города одна за другой сыпались эпидемии болезней, война проходила по некогда процветающим местам огнем и мечом, оставляя после себя лишь кровь и руины. И разнесся великий плач, слышимый даже на небе, в божественных чертогах. Люди молились своим богиням, но все их усилия были тщетны – боги отвлекали свою Матерь и своих жен от человеческих прошений и стонов.

Женщины заподозрили неладное, лишь когда ослабели. Люди перестали им молиться, и сила их пошла на убыль. Избавиться от них было проще простого.

Боги не пожалели ни Мать, из вод которой когда-то появились, ни сестер и жен, с которыми раньше веселились в божественных чертогах. Их сбросили в вечную Тьму, туда, где остался изначальный Хаос, из которого когда-то очень давно появилась первейшая Намму.

Их бросили там и оставили скитаться бестелесными сущностями, лишенными плоти и оболочек, отрезанных от молений и жертв людей.

Много времени прошло, прежде чем пятеро некогда великих богинь смогли прийти в себя, собрать все, что осталось – силу, достаточную, чтобы отомстить, и гнев, который не даст этому желанию погаснуть.

Так на свет появились первые Создания Мщения: Крадущая сны – воплощение гнева Матери-Намму, призванное лишать человека сна и отдыха; Ведущая-к-Грани – олицетворение бешенства Смерти-Эрешкигаль, принимающее облик дорого человека и заманивающего в свое загробное царство; Ходящая-по-морям – месть Исцеления-Нинисины за предательство мужу, богу морей – дух, скитающийся по водным пространствам и опустошающий корабли, которые, приставая к берегу, разносили болезни; Уводящая-в-ночь – злоба Красоты-Иштар, что выглядела как прекрасная женщина, за которой из поселения уходили все мужчины, оставляя семьи, жен и детей беззащитными перед врагами и захватчиками; и Приносящая голод – ярость Земли-Нинхурсаг, и где появлялся этот призрак, погибали стада и всякая растительность, оставляя людей без пропитания и средств для существования.

И носились эти Создания по земле, сея смерти и болезни, горести и страдания, мстя людям и богам за то, что сделали они – бросили умирать, забыли, предали тех, кто их породил и был им верен.

Человечество, загибаясь под натиском Первых порождений, не приносило больше пользы, и желание мстить, уже не горевшее огнем – тлевшее углями, перерастало в необходимость жить. Древние боги, к пантеону которых когда-то принадлежали и они, познали истинное забытие, когда люди просто перестали им молиться. Они растворились в вечности, но этим богиням отчаянно не хотелось умирать. Снова.

Стремление выжить любой ценой – вот, что стало новым центром нового мира.

Пусть за счет жизни людей, пусть за счет их горя и страданий, но жить – вопреки всему и всем.

И объединились некогда враждующие из-за мужчины сестры Смерть и Красота, и создали небывалое, невиданное творение – прекрасное, но мертвое тело. Оно должно было жить за счет людей, их крови. Оно было сильнее, быстрее, совершеннее людей – и почти столь же бесчеловечно, как и сами Богини.

Нинисина, богиня исцеления, тоже не осталась в стороне, сделав по своему подобию существо живое, хитрое, ловкое и сильное, способное лечить любые свои раны. Чтобы ничем оно не уступало первому творению богини Смерти, Нинисина даровала ему возможность сливаться с любым зверем, а Иштар, оценив задумку, наградила красотой и магнетизмом.

Богиня земли дала начало эльфам и друидам, наградив меткостью и способностью сосуществовать с природой, использовать её силы, управлять ими, защищая тем самым свои поселения. Она наделила их долголетием и умением находить во всем баланс.

Эрешкигаль подсмотрела за созданиями сестры. Из-под её руки вышли темные эльфы, василиски – создания опасные и агрессивные, так похожие на свою прародительницу.

Намму наблюдала издали. Она была много мудрее своих сестер, которые когда-то были сотканы из ее первородных вод. А потому из-под ее руки вышли... люди – особенные люди, отмеченные капелькой ее божественной Силы. Маги – существа, призванные поддерживать равновесие между уже созданными творениями.

Шло время, и дети своих Матерей порождали новых и новых существ.

Но везде должен соблюдаться баланс. Вселенная не терпит беспорядка. Даже среди хаоса можно найти закономерность. Так появились чёрные единороги, наги и те, кто в дальнейшем превратились в кошмар всего живого и сущего – рубежники, существующие на Грани.

Эти создания регулировали численность новых творений, не позволяя тёмному миру вырваться и заявить о себе. А позже появились и Чтецы. Никто не знал, было ли это насмешкой одной из богинь или знаком от прежних, позабытых всеми богов, но Чтецами могли родиться лишь люди. Едва ли не единственная ниточка, позволяющая, как веревочный мост, соединять два полюса – светлый и тёмный.

Так, объединяясь, творя и вытворяя, экспериментируя и совершенствуя, пять богинь создали свою армию почитателей и выпустили их в человеческий мир. Творения их плодились и множились, паразитируя на человеческой расе, и очень скоро их было столько, что сила к богиням начала возвращаться. Они смогли вырваться из Хаоса и создать свой мир.

Мир, что был чужд людям. Находился от них по другую сторону. Скрытый в темноте ночи. Нападающий из тени.

Мир Тьмы. Мир Иных. Мир иностранных существ.

И пятерка некогда изгнанных и низвергнутых богинь превратилась в Великих Матерей. Теперь у них были свои дети, свои создания, которые были гораздо сильнее и безжалостнее людей.

– Что поделать, мальчики, – улыбнулась Намму, занимая место на центральном троне и переглядываясь с четырьмя сестрами. Внизу рушились от времени и забвения храмы ее сыновей, мужей и братьев. – Дабы наш мир выжил, ваш должен подчиниться.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРОЛОГ.

Моя история, в отличие от большинства сказочных повестей, началась не тогда, когда я появилась на свет. И вопреки всем приключенческим романам, не тогда, когда во мне впервые проснулась Сила.

Моя история началась в ярчайший праздник всего мира Иных – Ведьмин день¹, когда лучших из магичек представляют Пяти Великим Матерям, создавшим всех иностранцев: Намму, Эрешкигаль, Иштар, Нинисина и Нинхурсаг. В праздник, когда случаются самые волшебные чудеса. В праздник, который должен был стать моим триумфом! А стал...

Что ж. Зависит от точки зрения.

¹ 7 июля. В древности маги славили Богинь высокими кострами и различными стихийными чудесами – отсюда люди взяли праздник Ивана Купалы – и традицию прыгать через костры.

ГЛАВА 1.

– Какая ты у меня красивая, дочка!.. – Мама счастливо улыбнулась, уже в который раз за этот вечер, и разгладила несуществующие складки на вечернем платье, созданном дизайнером мира Иных, а потому отличающимся от тех, которые носили обычные человеческие девушки.

Как и все дебютантки, сейчас я находилась внизу вместе со всеми гостями. Это правило как бы подчеркивало, что даже сильнейшие – всего лишь одни из многих.

Я улыбнулась в ответ, радостно и восторженно, и помахала рукой Марине, что только вошла в высокие двери праздничного зала. Мама усмехнулась и отошла к своим знакомым, предоставив меня обществу подруги.

С Мариной Анисимовой мы дружили с самого детства, всю жизнь делили друг с другом самые важные тайны. Девушка сделала ручкой в ответ и поспешила ко мне.

– Волнуешься? – поправив светло-русые волосы, спросила подруга.

– Нет. Андрей хорошо танцует, – абсолютно спокойно сказала я, чем заработала несколько недовольный взор.

– Но на вас будут смотреть столько людей!.. – Ужас в ее голосе был очевиден.

– А точнее – нелюдей, – хмыкнула я.

Что мне окружающие, когда я буду танцевать Первый вальс с тем, кого любила и кого приняла моя Сила? И кто сегодня, я надеюсь, сделает мне предложение...

– На тебя смотрит Владислав Бравый, – трагическим шепотом оповестила подруга, и я машинально повернулась в сторону названного.

Сын Вожака стаи Бравого был, бесспорно, хорош. Чертовски привлекателен и просто-таки убийственно обаятелен. Высокая статная фигура, великолепная мускулатура, подчеркнутая дорогим костюмом. Резкая, дикая, неукротимая красота, сквозившая в каждой черточке лица.

Было совсем не удивительно, что за ним бегают почти вся женская половина мира Иных, причем не только из оборотней, но и из магичек, и даже пара-тройка вампирш влилась в число его ярых поклонниц. Но насколько мне было известно, оборотень не спешил связывать себя с кем-то, явно получая удовольствие от холостяцкого образа жизни.

Наши глаза встретились, мужчина – просто язык не поворачивался назвать его парнем! – ослепительно мне улыбнулся и отсалютовал бокалом. Я вежливо кивнула, вдруг почувствовав себя крайне неуютно от того блеска в темных глазах, который я смогла разглядеть даже с такого приличного расстояния, что разделяло нас. У меня создалось ощущение, что я нахожусь не в битком набитой народом зале, а в комнате метр на метр и наедине с этим вером, который – не нужно быть семь пядей во лбу – не сегодня-завтра займет место Вожака.

Я автоматически сузила глаза – злость была обычной моей реакцией на то, что меня пугало, пусть даже я себе в этом не признавалась. А здесь...

– Он мне не нравится, – все так же следя за ленивой грацией движений Бравого, сказала я подруге. Догадка подтвердилась, когда улыбка сошла с чувственно изогнутых губ – Преемник Вожака подслушивал, причем даже не особо скрывал это. – Совсем.

– Я всегда тебе говорила, что ты странная! – яростно зашипела мне в ухо Марина.

Я только покачала головой – про ее маленькую слабость в виде далеко не маленьких тушек накаченных, страстных по натуре оборотней я знала, и это даже в какой-то степени забавляло. Ровно до той поры, пока подруга не начала вести себя... нестандартно.

– Конечно, зачем нашей прекрасной принцессе какой-то там Владислав Бравый, когда у ее ног стелется сам Андрей Зарницкий?! Сильнейший из землянников! Верно?!

Родное для меня лицо Анисимовой исказила гримаса ревности и... злобы?!

– Что ты говоришь?.. – повернувшись к ней, тихо и настороженно прошептала я. – Послушай себя!

– А что, правда глаза колет?!

– Марина! – прошипела уже далеко не такая спокойная я, когда девушка своим поведением начала привлекать к нам нежелательное внимание.

– Отвяжись, Вит! Все ясно с тобой! – окрысилась она.

А потом, дернув плечом, на котором лежала моя рука, развернулась на каблуках и почти убежала прочь.

Я за ней идти не стала, но заметила, как в мою сторону направляется Владислав Бравый. Честно признаться, меня это совсем не устраивало, поэтому развернулась и на максимально возможной скорости, которую еще реально выдать за обычный шаг, двинулась к кулисам и сцене.

И очень вовремя, как оказалось.

– О, Виточка! Очень хорошо! Я как раз хотел собирать дебютанток! – обрадовался мне как родной ведущий, рукой указывая за сцену.

Невольно удивившись странному поведению известного своей несговорчивостью и сварливостью пожилого мага, лишь кивнула, подумав, что, видимо, сегодня просто такой день – все ведут себя не так, как обычно.

Краем глаза успела увидеть нехорошо прищуренные темные глаза оборотня, а после меня от всего мира отрезала плотная пурпурная ткань.

Платья дебютанток на праздник Ведьм регламентировались только в одном – они должны быть белого цвета. Обязательно. Как первый снег. И никак иначе. Дабы показать всю беззащитность, самоотдачу девушки и справедливость выбора Ковена. Но абсолютно без разницы было, какой фасон ты выберешь, модель, материал и прочее.

Поэтому сейчас, переодевшись и пританцовывая от волнения за кулисами, я искренне порадовалась тому, что не пожалела ни времени, ни денег на свое платье, которое подчеркивало все достоинства фигуры, скрывало недостатки и выгодно отличало меня от более консервативных сестер по дебюту.

– Виталина Добровольская! – хорошо поставленным, звучным голосом представил ведущий. – Огненная ведьма! Потомственная проклятийница! И просто сильная, уверенная в себе красавица! Поприветствуем!

Софиты били в глаза, но так даже лучше – я не видела тех, кто был внизу, у сцены и подиума, кто смотрел на меня. Так было проще. Аплодисменты слились в единый гул, создавая ощущение вакуума. Я, лучезарно улыбаясь, вышла на подиум, сделала несколько модельных поворотов, показывая себя и платье, и пошла обратно, отчаянно борясь с желанием почесать между лопатками.

У начала красной дорожки в мир фотовспышек меня ждал Андрей Зарницкий в строгом смокинге на английский манер, который только подчеркивал его природную аристократичность и благородный профиль. Темноволосый и сероглазый, он был на четыре года старше меня и уже занимал достойное место среди сильнейших магов города и всего Советского союза.

Я радостно улыбнулась ему и с облегчением ухватила за теплую руку. Длинные, сильные пальцы сомкнулись вокруг моей ладошки, и мужчина провел меня к заранее оговоренному месту на сцене – почти в середине, немного сбоку от центра, который обозначался подиумом. Это говорило о большой силе и знатности рода.

Традиция дебюта шла с тех пор, когда ведьм было очень мало, и на каждую девушку во время праздника накладывалась мощнейшая защита, прозванная в народе «Щитом Пяти Матерей», особенно себя оправдавшая во время Инквизиции. Сейчас ничего такого не было,

конечно, да и численность женщин среди магов существенно возросла, однако представлять нас миру Иных не перестали.

Дебютанткой становилась лучшая и сильнейшая в своей магической области и возрастной категории, которую из десятков претенденток выбирал Ковен магов. Это было честью и прекрасной рекомендацией, хотя, если смотреть правде в лицо, большинство из тех, кто сегодня стоял на сцене, в ней не нуждались.

Так, по правую руку от моего места стояла Евгения Фадеева, лучший артефактор, в свои двадцать с лишним лет затмившая даже тех, кто занимался этим всю жизнь. Рядом с ней стоял Савелий Антипов, который был некромантом и всегда вызывал у меня легкую оторопь своим нелюдимым и тяжелым характером.

Или Елена Побережная, стоящая слева и четко в центре – известная на весь мир Иных изобретательница различного рода заклинаний. Ее сопровождающим был Александр Драго-жар, потомок великого рода некромантов, который всегда был впереди Антиповых. Как-то слишком много некромантов на трех ведьм в одном ряду... Черноволосый мужчина со странными сиреневыми глазами подмигнул мне и указал куда-то в зал.

Проследив направление его взгляда, посмотрела туда же, и меня прошиб озноб – темные глаза Преемника Вожака Круга, которые исподлобья буравили во мне яму размером с кратер, напугали бы кого угодно.

– Все хорошо? – склонился к моему уху Андрей.

Красивое лицо молодого Бравого закаменело.

– Да... это все нервы, – бодро соврала я и неуверенно улыбнулась, понимая, что уж его-то обмануть не удастся.

– Скоро все закончится. Я лично попросил ведущего быть поактивнее.

А, теперь понятно, почему этот старик, который в прошлом своими придирками и наставлениями доводил каждую вторую дебютантку до слез, с меня едва ли не пылинки сдувал. Встретиться с разгневанным Андреем Зарницким – так себе удовольствие, скажу я вам.

И если раньше я бы возмутилась – все-таки так долго и страстно ожидаемая мною минута славы! – то сейчас лишь благодарно сжала его руку, стараясь вообще лишней раз в зал не смотреть. Зато теперь я точно знала, кому обязана тлеющей дыркой на собственной спине.

Ведущий действительно уложил огромную тучу поздравлений и комплиментов в каких-то три минуты, после чего кавалеры сопроводили своих дам со сцены вниз, к другим гостям, которые расступались, давая нам место в центре залы.

– Потанцуем? – чуть заметно улыбаясь, спросил Андрей, хотя на самом деле это было совсем не обязательно.

Первый вальс являлся традицией, и примета гласила, что если девушка на предложение руки и сердца, сделанного именно в этот момент, ответит согласием, то брак будет счастливым и плодотворным. Об этом, якобы совершенно без намека, нам накануне рассказали наши мамы.

Родители дружили уже очень давно и однажды решили, что неплохо было бы укрепить дружбу кровным родством. Поэтому обвенчали десятилетнего мальчика и шестилетнюю девочку, которые в детстве отчаянно друг друга не выносили.

Но шли годы, и в один прекрасный день мы поняли, что родители не ошиблись. Мы столько времени в угоду предкам проводили вместе, что знали друг друга даже лучше, чем себя. У нас были общие интересы, общие темы для разговоров, общие знакомые и друзья... Мы оба были магами, которые специализировались на проклятьях.

Кроме этого, ненависть была лишь вершиной айсберга, однако стоило копнуть глубже, как стало понятно – она скрывала то, что мы до поры до времени просто не готовы были понять, принять, осознать.

И сейчас я искренне надеялась, что Андрей разгадал тайный смысл сообщения хитрых родительниц.

– Почему бы и нет? – улыбнулась я, следуя за ним в круг дебютанток.

Под до зубовного скрежета знакомую музыку мы исполнили выученные до автоматизма движения, после чего включилась обычная мелодия вальса, и мы были на некоторое время предоставлены сами себе, кружась по маленькому кругу, как планетки по собственной орбите в отдельной галактике.

– Ты такая красивая... – едва слышно прошептал мне на ухо Андрей. – Всегда красивая, но сегодня... Ты сверкаешь ярче всех... – Его неуверенность, которая, к слову, была ему совершенно не свойственна, меня забавляла, и я догадывалась, что за этим последует. – И знаешь, я подумал, что, возможно, порой стоит верить в приметы, поэтому...

Он уже достал маленькую бархатную коробочку, в которой, я абсолютно уверена, было мое обручальное кольцо, когда ему на плечо опустилась большая ладонь.

– Вы позволите украсть вашу спутницу? – вкрадчиво спросил Владислав Бравый, даже не глядя на моего жениха – он не сводил теперь каких-то хищных глаз с меня.

– Нет. Не позволю. Что вы себе позволяете, господин Бравый? – с плохо скрываемой угрозой прошипел Зарницкий. – Не поверю, что с вашим обостренным слухом вы не знаете, чему мешаете!

– А вам никто и не предлагает верить, – наплевав на всякие приличия, хмыкнул оборотень и, властно схватив меня за руку, увел от жениха.

– Вы... Как вы смеете?! – прорычала я не хуже всякого волка, когда остолбенение, вызванное его наглостью и грубостью, прошло. – Считаете, что вам все можно?!

– Нет, я так не считаю, но спасибо, что спросили, Виталина, – тихо и как-то даже рассеянно проговорил Преемник Вожака, словно мыслями был где-то далеко отсюда.

Мне не понравилось, как он интонацией выделил мое имя. Словно пробовал его на вкус. Слишком интимно и... приятно у него получилось, так, что я... покраснела?! Какого дохлого гоблина?!

Он резко повернул меня в пируэте, заставив юбки взметнуться, а после, обхватив за талию, неприлично близко прижал к себе. Намного ближе, чем требовал этот танец. Да и вообще любой танец!

Я поспешно отодвинулась, но лишь на секунду – в следующий момент горячая ладонь крепче ухватила затянутую в корсет талию и вернула на место. То есть очень и очень близко к его телу!..

– После этого танца Вы извинитесь перед Андреем, – тоном, не терпящим каких-либо возражений, отчеканила я, глядя ему прямо в глаза.

Оборотень удивленно-заинтересованно вскинул левую бровь, и я запоздало вспомнила, с кем говорю. Он будущий Вожак, волк-доминант, такие вызовов и прямых взглядов не терпят. Они отвечают на них и побеждают, устранив оппонента.

Что-то темное шевельнулась в и так почти черных глазах мужчины. Что-то, отчего я ощутимо вздрогнула и опустила взгляд.

– Если уж осмелились бросить вызов – идите до конца. Трусов никто не жалует, Виталина.

Уловив насмешку в низком, бархатном баритоне, я снова подняла голову. И едва удержалась от того, чтобы не пригвоздить его ногу шпилькой к полу. Веселые бесенята, прыгающие в зрачках напротив, подтвердили мою догадку, заставив заново вспыхнуть возмущением.

– Да Вы просто издеваетесь надо мной! – зашипела я, борясь с желанием залепить ему вполне заслуженную пощечину.

Никогда и ни с кем в решении споров и конфликтов не доходила до рукоприкладства, но, как известно, все бывает в первый раз.

– Что вы, Вита! Как можно?.. – почти натурально изумился Бравый.

«Почти», если бы не едва заметно искривленный уголок рта.

– Хватит! – Против воли в голосе прозвенела сталь, и Владислав перестал ухмыляться мгновенно. Я знала, что таким тоном нельзя разговаривать с оборотнями, они инстинктивно воспринимали это как вызов, но моя выдержка тоже не железная. – Говорите, что Вам нужно, и уходите!

– Уйти и оставить тебя этому землянику? – спустя несколько долгих мгновений переспросил мужчина. И отрицательно покачал головой. – Боюсь, моя обворожительная ведьмочка, этого уже никогда не случится.

Я удивленно распахнула глаза, судорожно пытаюсь и усвоить информацию, и найти выход из нервирующей меня ситуации, и придумать колкий ответ. Рука дернулась из его ладони, реагируя на острый приступ бешенства, который спровоцировал этот его простой, слегка снисходительный тон. Он не спрашивал, он говорил то, что уже решил для себя, и для меня, к слову, тоже.

Волк, без сомнений, уловивший запах эмоций и догадавшийся о моих желаниях относительно насильственной корректировки его внешности, чуть прищурил глаза. Ничего не сказал и не сделал, но ведьминская интуиция, не раз спасавшая меня от более чем ужасающих последствий, что есть мочи завопила «Опасность!» И я была с ней согласна.

Владислав Бравый – сам по себе угроза и опасность. Причём в этот раз я была не уверена, что справлюсь с ней в одиночку.

Но, как и следует из поговорки про двух зайцев, ничего толкового я не придумала, да и вообще промолчала, зато на уровне подсознания зазвучал просто до боли знакомый звук.

Где-то рядом спустили с цепи проклятье.

Я только успела обернуться, замечая пробивающегося сквозь толпу Андрея, когда Владислав почти молниеносно оттолкнул меня в сторону, уводя с траектории темного сгустка.

Но все равно не успел.

«Вечная стынь» задела мою руку лишь по касательной, зацепившись буквально за самые кончики пальцев, а я уже не чувствовала всю конечность, отстраненно наблюдая, как кожа стремительно бледнеет, покрывается морозными узорами, синееет и превращается в непрозрачный голубой лед.

– Вита! – Рядом со мной, оттеснив в сторону оборотня, появился Зарницкий и тут же подхватил на руки. – Только не бойся!

Я не боялась. Не зря я считалась лучшей проклятийницей – мне было известно про «Вечную стынь» все, что только возможно. Однако ирония судьбы – снять его я не могла.

«Стынь» относилась к той запрещенной части проклятий, за произнесение которых наказывали лишением дара сроком в двадцать пять лет. Его действие следовало из названия: попадая в сердце, оно превращало человека в ледяную статую, которая живет, иногда дышит, но разговаривать и шевелиться не может. Так и умирает в холоде и голоде, после окончательной остановки сердца разбиваясь на сотни окровавленных осколков замороженной плоти.

Очень мерзкое проклятье, если вдуматься. И снять его можно было двумя путями – либо расплести на полете, чего я сделать не успела, либо в течение часа обратиться к целителю, который сможет устранить «Стынь».

В больнице былолюдно, причем в прямом смысле, поэтому я прикрывала синюю руку плащом. Андрей пинком распахнул дверь первой попавшейся палаты, которая по счастью оказалась пустой, сгрузил меня на кровать и, сказав, что найдет врача-иностранного, выбежал в коридор.

Через пару минут пришел довольно молодой парень в белом халате целителя, представился Максимом и сразу же взялся за мою руку. Ощувив покалывания тысячи магических иголок, поняла, что мы успели – раз кожа чувствует, значит, час еще не прошел и проклятье обратимо. Конечность под воздействием теплого света, исходящего от пальцев мага, быстро приобретала исходный цвет и вскоре была полностью восстановлена.

– Ну, вот и все, – улыбнулся Максим. – Вы очень вовремя приехали, еще чуть-чуть и было бы поздно.

– Спасибо Вам! – искренне поблагодарила я. – Спасибо огромное. Но... Вы не знаете, где Андрей?

– Господин Зарницкий, как только нашел меня, сразу же ушел, сказав, что ему нужно срочно разобраться с какими-то делами. И, Виталина, Вы же понимаете, что мне придется оставить Вас здесь на сутки для наблюдения?

В ряде случаев после снятия проклятья у пострадавших наблюдалась частая потеря сознания и обильные кровотечения из носа – такое лучше переживать в больнице под приглядом специалиста.

– Да, конечно, Максим, – чуть менее искренне, чем до этого, кивнула я. – Я все понимаю и... спасибо еще раз.

Целитель наказал мне отдыхать, оставил стопку больничной одежды и ушел. Я, секунду побуравив взглядом закрывшуюся дверь одиночной палаты, зло ударила кулаком в подушку.

Мог бы и остаться, проследить, чтобы со мной все было в порядке, и только потом срываться ловить того мерзавца, что швырнул в меня «Вечную стынь»! Головой я понимала, что обида моя – глупая и надуманная, но женская натура, разгневанная недостатком внимания со стороны уже почти жениха, не унималась.

Но вдоволь позлиться не дали – приехала перепуганная мама. Как весьма посредственный маг воды, она очень переживала, что не смогла защитить единственную дочку, и планировала помочь Андрею в поисках прокляточика. Зная мою маман, меньшее, что ожидало этого урода – это осиновый кол... отнюдь не в сердце. Успокаивая ее, я и сама пришла в норму, но усталость бурного и насыщенного дня брала свое – уговорив родительницу, что уже завтра вернусь, попросила идти домой, отдыхать и успокоить сестер. Скрепя сердце и еще раз прокляв обидчика до седьмого колена, мама поддалась и, поцеловав в лоб, ушла.

Я переоделась и начала готовиться ко сну. Очень хотелось, чтобы этот странный день, наконец, закончился. Однако...

– К Вам можно? – раздался со спины знакомый, вызывающий дрожь голос.

Я передернула плечами, желая скинуть это почти материальное ощущение обволакивания. Вспомнилось его поведение на празднике, и злость вспыхнула с новой силой.

– Вам – нет! И...

Огромная рука скользнула на талию, давая понять, что мужчина стоит очень близко, и перед глазами появился букет бледно-розовых тюльпанов.

– Вы слишком долго думаете, Вита, – тихо посмеиваясь, прошептал прямо на ухо Владислав, даже и мысли не допуская о том, чтобы отойти.

– Отпустите меня немедленно! – завозилась, самостоятельно пытаюсь вырваться.

– Зачем? – так искренне удивился оборотень, что я даже не сразу нашлась с ответом. – Вы устали, самой стоять наверняка тяжело. К тому же, мне нравится к Вам прикасаться. Как цветы?

– Да, спасибо, красивые, – быстро проговорила и еще раз предприняла попытку освободиться. – И отвечая на Ваш первый вопрос – потому что это неприлично, раз, и я вообще-то чужая невеста, два.

– Ну, насчет Вашего личного статуса – спорный вопрос, – лукаво прищурился мужчина, давая понять, кому я обязана тем, что фактически ничьей будущей женой не являюсь.

Но руки все-таки убрал, и я с облегчением сделала шаг назад. Однако оборотень вновь поднял ладонь, желая, видимо, прикоснуться к лицу, и у меня невольно закончился воздух в легких.

Я безотчетно снова отступила и, лишь заметив, как медленно наливаются золотом его глаза, поняла, какую ошибку допустила.

Поздно.

Владислав сделал плавно-текущий шаг ко мне, а потом сразу два подряд. Всё. Я оказалась зажата между ним и стеной. Вер стоял так близко, что я даже сквозь возрастающую панику почувствовала его запах. Бравый придвинулся еще, и теперь между нами не было ни сантиметра пространства.

Только букетик тюльпанов.

Однако это действительно были только цветочки. Ягодки начались тогда, когда Преемник Вожака уперся руками в стену по обе стороны от меня и наклонился, носом вороша волосы и спускаясь к уху и ниже – к месту соединения шеи и плеча. Он сделал глубокий вдох, и губы его раздвинулись в улыбке, обнажающей чуть удлиненные клыки, и в которой было очень мало человеческого.

Перед глазами мелькнула вроде бы абсурдная, но от этого не менее реалистичная и ужасающая картина, как эти самые клыки вспарывают незащищенное горло, лишая меня не то что звания невесты и магии, а жизни вообще.

Страх липким сгустком запульсировал где-то в районе желудка.

– Никогда не беги от хищника, Вита, – хриплым полупшепотом сказал Владислав, выпрямляясь до одного уровня со мной и глядя в глаза. – Ты провоцируешь его... И запах твоего страха становится таким сладким для него...

Одна рука снова оказалась у меня на талии, и какой бы легендарной не была моя выдержка – дрожь я сдержать не смогла. Дрожь, вызванную паникой, страхом, ужасом. Тем, что я никогда не испытывала до этого. Ни в таких размерах, по крайней мере.

Последняя мысль запустила целую цепочку: «Ты – Виталина Добровольская! Одна из сильнейших ведьм в роду и стране! Возьми себя в руки! Ты никогда и никого не боялась! Ты не знаешь, что такое страх! Твои дрожащие колени и заходящееся в бешеном от страха темпе сердце – позор на твою голову и всю семью! Ты не боишься! Не боишься!..»

Но если он что-нибудь еще скажет, я упаду в обморок, панически подумалось мне, когда комок мышц начал ощущаться где-то в горле.

Я раньше нечасто общалась с вервольфами, поэтому какое-то звериное, дикое поведение Бравого пугало до кондрашки, до без малого седых волос. Он вел себя, как животное. Он и был по сути своей зверем. Зверем, который загнал желанную жертву в угол, туда, откуда ей уже не убежать, не спастись.

Будущий Вожак был зверем, лишь внешне прикрытый человеческой шкурой.

Мужчина чуть поменял положение, и теперь наши ноги сплетались, тесно касаясь друг друга. Романтично? Возможно, если не учитывать тот факт, что одной жертвой была я.

– Ты так потрясающе пахнешь, Виточка... – восхищенно прошептал оборотень, носом отодвигая воротник больничной рубашки. Действия были в высшей степени безнравственными, но я даже пошевелиться боялась, чувствуя, как горит кожа в области декольте от его дыхания. – Я никогда ничего похожего не чувствовал... Так сладко, так вкусно...

Его пальцы коснулись подбородка, заставляя поднять голову. Наши глаза снова встретились – золотой и темно-карий – и то, что я увидела в глубине вертикального зрачка, заставило меня вжаться в стену.

И что-то изменилось в нем. Владислав нахмурился, напрягся и отступил, дав мне и моему страху немного места.

– Так страшно? – неожиданно глухо прошептал вервольф.

Неотрывно глядя ему в глаза, судорожно кивнула. Но что такое один кивок, даже близко не выражающий ту бездну ужаса, в которой я тонула по его милости?!

Оборотень сделал еще шаг назад, но не успела я порадоваться, что он сейчас уйдет отсюда, как его рука потянула меня за ним. Опустился на кровать, расположив между своими

коленями и, проведя кончиками пальцев по пострадавшей руке, снова посмотрел мне в глаза. Воспользовавшись моментом, конечность я тут же спрятала за спину.

Бравый нахмурился сильнее.

– Вита, дай посмотрю, что с рукой, – твердо и уверенно, без малейших признаков недавнего смятения, произнес он.

Я промолчала, даже и не думая вытаскивать руку из убежища.

– Вита! Твоя рука...

– ...мне еще пригодится, – ляпнула я на автомате.

Я огрызалась, да, и казалось, что уже вернула себе свое прежнее самообладание, но...

Да Эрешкигаль забери его душу, кого я обманываю?! Единственное, о чем я сейчас думала – это как не опозориться еще больше, свалившись перед этим монстром в обморок!

И словно получив отмашку на старт, организм начал действовать.

Кончики пальцев закололо от недостатка крови, комната закружилась перед глазами, а к горлу подступила тошнота. Меня ощутимо качнуло, но оборотень среагировал даже раньше, чем я поняла, что происходит.

Меня аккуратно перехватили, и не прошло и секунды, как я уже лежала на кровати, прикрытая сверху одеялом, а молодой Бравый склонялся надо мной. Полагаю, именно инстинктивный ужас перед ним держал меня в сознании.

– Ты очень странно реагируешь на меня, Вита, – с грустью и непониманием прошептал Владислав, глядя меня по волосам. – Неужели так боишься?

Я снова молча кивнула. Но потом все же решила спросить:

– Зачем я вам? – Нет, я не была наивной душой, но не попробовать себя успокоить не могла. А вдруг?.. – Вас кто-то проклял?

Мужчина усмехнулся, но теперь не пугающе, а как-то странно решительно и жестко, хотя это относилось скорее к нему самому, чем ко мне.

– Да, моя ведьма. Я проклял сам себя, когда заметил тебя в толпе.

И если раньше была надежда, то теперь... Всё.

– Это плохо... – чувствуя себя так, словно плыву по волнам, прошептала я, глядя в темные, уже совершенно человеческие, глаза. – Плохо, потому что Андрей все равно сделает мне предложение. Не сегодня, так завтра... И вы... опоздаете...

Его лицо несколько изменилось: левая бровь поползла вверх, делая мужчину более живым, ехидным, саркастичным, но ему это шло.

А потом он прикоснулся к моему лбу горячими губами.

– Спи, Виточка. Спи. Мы подумаем обо всем завтра.

Преемник Вожака вышел, прикрыв за собой дверь. А я все еще глядела в потолок.

В голове билась только одна мысль – ни один мужчина не пугает меня так, как Владислав Бравый.

ГЛАВА 2.

Что может быть хуже, чем утро в больнице? Только весь день в этом прибежище стонущих, жаждущих внимания и лекарств людей. На все отделение я была единственной иностранной, и от этого становилось немного жутко.

Мир Иных недаром так тщательно скрывали от людей. Эти простые, обделенные даром и магией существа были слишком ограничены, злы и завистливы, чтобы понять и принять тех, кто выгодно отличался от них в плане силы. И Инквизиция в Средние века, которая тайно продолжается до сих пор, тому доказательство. Да, без людей мир был бы совсем другим. Но люди все равно нервируют любого из закрытого сообщества Тьмы.

А потому было понятно мое желание как можно скорее уйти из больницы. Пронаблюдав за мной весь день, Максим решил, что отпустит ближе к вечеру. Это не обрадовало, но лучше так, чем еще одна ночь здесь. Мое настроение омрачало также и то, что Андрей даже на следующий день не соизволил меня навестить. Я злилась на него с каждым часом безделья все больше, но старалась успокоить себя тем, что скоро окажусь дома, в своей ванной и кровати, а уж завтра устрою ему нешуточную головомойку.

И когда стрелка часов дотронулась до цифры шесть, я уже была готова, собрав немногочисленные вещи и аккуратно сложив постельное белье и больничную одежду стопкой на кровати. Отмеченный Нинисиной врач, глянув на это дело, лишь усмехнулся, подписал мою выписку, и я, поблагодарив за помощь и заботу, выпорхнула из больницы как на крыльях, с наслаждением подставляя лицо лучам заходящего, красного как кровь солнца.

Приступ тошноты накатил неожиданно. Я покачнулась на гранитных ступенях крыльца, начиная глубоко и размеренно вдыхать свежий, не отравленный миллиардами микробов воздух улицы. Желудок немного успокоился, и я заметила протянутые ко мне руки неслышно подошедшего человека. Или я из-за звона в ушах его шаги не расслышала? Подняла глаза, натываясь на обеспокоенный взгляд пожилого мужчины – выцветший от прожитых лет, но все еще лукавый и искрящийся. На простом шнурке в вороте обычной темно-синей хлопковой рубашки болталась какая-то монетка.

– Помочь, красавица? Ты зеленая какая-то, – чуть скрипуче сообщил дедушка.

– Спасибо, уже отпустило. Затошнило что-то... – слабо улыбнулась я, снова начиная видеть черные прыгающие точки.

– Тебя куда подбросить, может, надо? – Он указал на машину с характерным набалдашником такси.

Кивнула, и меня, подхватив под локоток, препроводили к белым «Жигули». Там уже спросили адрес и завели мотор. От прохладного вечернего ветра становилось все легче, и спустя несколько минут я уже вовсю смеялась над байками молодого душой таксиста, сидя на соседнем с водителем месте.

Он как раз рассказывал про то, как в молодости по ошибке попал в женскую баню, когда я повернулась к своему окну... и увидела молодые березы. Те самые, что росли на выезде из города.

– Куда Вы меня везете?! – Вопрос вырвался быстрее, чем мозг определил местонахождение хозяйки.

Я повернулась, чтобы вытрясти из дядьки все ответы уже совершенно другими способами, никак не связанными с мирными переговорами, но не произнесла ни звука. Мысли не складывались в слова под давлением увиденного.

Картинка старичка поплыла, одежда, цвет кожи, рост, волосы, комплекция – все менялось, когда он сорвал с себя ту монетку. Нет, амулет подмены внешности. И когда «таксист» посмотрел на меня, я не смогла подавить желание вжаться в спинку сидения.

«Мы подумаем обо всем завтра».

У него была вся ночь и полдня, чтобы обдумать каждую деталь и без того не слишком сложного плана и повернуть его с возмутительной легкостью.

Владислав Бравый чуть насмешливо улыбнулся, пятерней поправляя волосы, растрепавшиеся под кепкой того, кого я считала настоящим.

Амулет такой качественности могла создать только Евгения. Но вряд ли она догадывалась, для какой цели его приобрели.

Внутри вспыхнул гнев, подогреваемый каким-то безотчетным страхом перед этим мужчиной, который в своем истинном облике занимал в небольшой машинке слишком много места. Собственный ужас раздражал, отчего я злилась еще больше. Под натиском еще с утра не самого радужного настроения дар рвался наружу, и сейчас, поймав темный взгляд оборотня, я не сдержалась.

От меня резко и остро пахнуло озоном, а пластик ручки, в которую я вцепилась, начал оплавляться в раскалившейся ладони.

– Легче, Виточка, легче, – спокойно улыбнулся Бравый. – Не вижу причин, чтобы так реагировать.

– Считаете, мне нужно радоваться от того, что вы меня похитили?! – прошипела я, безуспешно пытаюсь взять себя в руки.

– Сейчас не происходит ничего такого, о чем я не предупреждал вчера. Если бы ты дала себе труд подумать над моими словами, эти действия стали бы для тебя закономерны и очевидны, – продолжая обворожительно улыбаться, сообщил вервольф.

– Остановите машину! Немедленно! – Приказной тон вырвался самовольно.

– Нет, – просто сказал Владислав и продолжил везти меня куда-то в неизвестном направлении.

Я закрутила головой, пытаюсь понять, где нахожусь, но все, что удалось выяснить – я за городом, но неизвестно, с какой его стороны и что впереди. Очевидно, что меня собираются доставить в знаменитый особняк Бравых, куда мечтала попасть каждая из толпы его восторженных обожательниц, вот только где он находится – вопрос.

Взгляд упал на ручку двери в ладони. Глянула на спидометр – 60 км/ч. Не так уж и много, если вдуматься, но монолитное серое полотно под колесами машины и видимое мне из окна неслось просто молниеносно. Я посмотрела на лес, который окружал дорогу с обеих сторон, и на пустое шоссе. Решение созревало быстро, но неуверенно. Не было полного осознания того, смогу ли я потом вообще встать, ибо если не смогу – все напрасно, меня все равно доставят до пункта назначения, но уже в куда более плачевном состоянии.

Заклинание «Огненной сферы» вспомнилось мгновенно. Если удержу при ударе круговую матрицу, может, даже несильно пострадаю.

И я уже без бывшего страха пнула дверь от себя.

Взвизгнули тормоза, колеса вцепились в дорогу так, словно им было неизвестно понятие «тормозной путь», а меня с такой силой качнуло вперед, что на секунду показалось – удар всем телом о дорогу намного предпочтительнее одного удара лбом о пластиковую панель над бардачком.

Но его не было.

Неизвестно – как, но оборотень успел выставить руку, и та часть головы, с которой я уже простилась, встретила с его ладонью.

Инерция бросила тело обратно на сидение, и воздух одним толчком вышел из легких.

– Совсем ума лишилась?! – зарычали так, что, дабы не пугаться еще больше, я отвернулась в другую сторону.

В голове нарастал непонятный шум, мешающий выстроить хоть какую-то логическую цепочку, перед глазами заплескались темные круги, причудливо уплывающие в разные стороны. Меня снова замутило. Да что за дохлый гоблин, в больнице же все нормально было?!

– Какого демона ты творишь, Вита? На тот свет отправиться решила? – Рык на грани с ревом был слышан далеко за пределами белых «Жигули».

Вжавшись в сидение, я упорно пялилась на дорогу за лобовым стеклом, стараясь совершенно никаким образом не реагировать на один большой внешний раздражитель, находящийся по левую сторону от меня. В бессилии и медленно поднимающейся из глубин сознания злобе, я до хруста сжала кулаки.

«Надо мыслить рационально, Вита! Тактика – вот твоя сильная сторона!»

Судорожно ухватившись за единственное связанное предложение, возникшее в черепной коробке, начала размеренно дышать, успокаивая сердцебиение и пытаюсь убрать, раздражающие круги из поля зрения. За сими манипуляциями осознание того, что меня пристегнули и автомобиль вновь пришел в движение, пришло не сразу.

Да, дохлая каракатица, оно пришло в самый последний момент, когда все попытки к побегу были пресечены со стороны злобного животного, которое почему-то выглядело весьма симпатично для девичьих глаз!

«Кажется, Вита, ты тут не единственный тактик...»

Злость распространялась подобно тому, как яд растекается по венам, медленно уничтожая жизнь человека. Меня бесила собственная глупость, наивность, доверчивость, беспомощность и то, что, в конце концов, могущественную Виталину Добровольскую совершенно без всяких проблем и происшествий тихонечко спioniерил из больницы чертов волк!

Покосившись на сильные руки, что легко и уверенно сжимали руль, я начала мысленно просчитывать любые возможные варианты побега, желательно в процессе еще и Бравого вырубить, иначе этот волчара меня не отпустит.

Мысль о том, чтобы резко отстегнуть ремень и помешать крутить руль, пришлось отбросить сразу. С его силой и реакцией он перехватит мою руку еще до того, как я успею хотя бы дотронуться до замка.

– Не делай глупостей, Виточка. Первая же покалечишься, – скосив темные глаза в мою сторону, предупредил Бравый, а уголок крепко сжатых губ дернулся вверх. – А в поместье есть хороший доктор.

Несмотря на то, что мороз у меня по позвоночнику начинал гулять уже просто от его прямого взгляда, я разозлилась. И это чувство очень быстро перешло в ярость, подкрепляемое обидой за похищение, за то, что он так легко обвел меня вокруг пальца и даже не позволил за все это время ни разу покалечиться. Каков наглец, а?!

Тут «Жигули» въехали на участок дороги, еще не покрытый асфальтом, и машинюшку затрясло как на терке. Круги перед глазами усилились, желчь подступила к горлу.

– Останови машину...

– Вита, я уже говорил...

– Останови машину, черт возьми! – гаркнула я, на ходу отстегивая ремень и открывая дверцу.

Когда моя нога коснулась земли, машина уже остановилась. Я оперлась руками о сидение, чтобы банально не выпасть из салона. Силы резко оставили меня. Я задышала чаще и глубже, стараясь прогнать тошноту. Во рту ощущался мерзкий привкус льда из холодильника – последствия «Стыни». Рано меня отпустили из больницы, ох рано...

Владислав присел передо мной на корточки, с сочувствием поглядывая на бледную, теперь такую безобидную и совсем не грозную ведьму. Теплая ладонь убрала выбившиеся из резинки локоны, которые прилипли к влажному лбу.

– Можно поздравить вас с Зарницким? – В противовес взгляду голос звучал сухо и резко, как хлыст – оставлял почти материальные следы на нервах.

– Обидно, что тебе достался уже порченный товар? – не сдержалась я, приваливаясь к сидению головой.

Бравый нахмурился и резко подался вперед, принюхиваясь. Тонкие ноздри дрогнули, я инстинктивно сжалась. А золотые глаза блеснули немногим ярче довольной улыбки.

– Врешь ты, моя ведьма, весьма посредственно, – на ухо прошептал мужчина.

Костяшки большой ладони нежно огладили щеку, я прикрыла глаза, чувствуя себя странно: слабость и тошнота отступали под другими ощущениями.

Приятно. Мне было приятно.

– Нет! – хотела возмутиться, но вышло тихо и неуверенно.

– Я не опасен, Вита, – почти касаясь незащищенной кожи горла губами и опалая горячим дыханием, тихо сказал Владислав. – Не для тебя.

Скажи это сотням обращенных ведьм, которых вы заставили променять родной Ковен и магию на шерсть, блох и четыре лапы.

Его рука спустилась от плеча до запястья, аккуратно сжимая, а вторая коснулась косточки на лодыжке. Стало щекотно, но я даже не улыбнулась, неотрывно глядя в ярко-золотые, почти желтые глаза оборотня. Было страшно. Жутко страшно. Но от мыслей о собственном ужасе меня отвлекало тепло, что шло от него.

Он был главной причиной, из-за которой я еще не спалила тут все к чертям.

Я не могла сделать это с ним. Именно с этим оборотнем, кикимора болотная его забори!

– Глава 6, статья 178, часть 2, пункт 5 Кодекса Братства, – вдруг вырвалось у меня. Мужчина приподнял бровь в немом вопросе, не прекращая своих крамольных действий, от которых мои руки почему-то начали подрагивать. – Оборотень не имеет права держать ведьму против ее согласия.

– И? – хмыкнул Бравый.

– Я против.

– Вот мы и подошли к сути нашей проблемы, Виточка, – так ласково выдохнул волк, что я даже сначала не обратила внимания на то, что сверкнуло в его руке.

А когда обратила... стало уже все равно. Тускло блестящий медальон заправили под рубашку, пройдясь пальцами по коже шеи, но это не вызвало никаких эмоций. Пусть трогает, если так нравится.

Меня куда-то везли еще несколько минут, а точнее четырехста двадцать семь секунд, после я увидела высокий кирпичный забор, машинально отметила круг охраны и еще с пяток различных заклятий защиты территорий. На высоких столбах стояли какие-то коробочки, и, присмотревшись, поняла, что это камеры – явно привезенные из заграницы.

– Сейчас я открою дверь с твоей стороны, предложу тебе руку, ты ее примешь без возражений и так же под руку пройдешь со мной в дом. Идешь и улыбаешься. Хорошо? – повернулся ко мне оборотень, заглушив мотор.

Я кивнула, мне было без разницы, если честно.

Молча и безупречно выполнив все указания, заслужив ослепительную улыбку и тихо-щекочущее на ухо «Умница!», прошла в ворота, за которыми оказался просторный двор с фруктовыми деревьями, ровным газоном и кучей вервольфов-охранников.

Пройдя с Владиславом за руку по тропинке до дверей трехэтажного дома, шагнула внутрь. Там оказалось сумрачно, пахло деревом, мускусом и чем-то еще, что я никак не могла идентифицировать. Скользя безучастным взглядом по стенам, картинам, мебели, Бравому, послушно шла за хозяином дома. Мне отвели комнату на третьем этаже.

– Ложись на кровать. – Молча исполнила указание, уставившись взглядом в потолок. Обзор закрыло мужское лицо с чуть сверкающими глазами. Мужчина быстро прикоснулся

губами к моему лбу, нахмурился, не получив никакой реакции, и коротко скомандовал: – Спать.

И я отключилась.

Голова раскалывалась. Просто разламывалась надвое. Со стоном сев, еще несколько мгновений боялась шевелиться из-за адских кругов перед глазами, а потом сквозь шум в ушах пробилась какие-то звуки.

Крики. И звон проклятий. Множества проклятий...

Свесив ноги с кровати, наткнулась рукой на что-то шуршащее. Подслеповато шурясь в темноте, взяла бумажку, машинально щелкая пальцами и создавая пульсар.

«Срок, установленный Братством, на который оборотень может похитить ведьму на законных основаниях – два месяца, ровно две луны. Если по прошествии данного времени ведьма решит уйти, оборотень должен ее отпустить. Сегодня 7 июля. Видишь, даже меньше двух месяцев – очень благородно с моей стороны, согласишься?»

Я отпущу тебя, Вита. Но не сомневаюсь, что твой ненаглядный будет здесь уже к вечеру. И вот тебе условие, золотце: ты молчишь, улыбаешься и говоришь прилюдно, что согласна на мой маленький экспромт и что по истечению срока сообщишь близким о своем решении. А я за это умолчу о том, что Зарницкий кидается запрещенными проклятьями, как игрушками в песочнице. Смекаешь?»

Стоило мне дочитать, как клочок бумаги вспыхнул, разлетевшись пеплом.

Благородно поступил, похитив меня без малого из-под венца?!

Ненавижу! Ненавижу этого до омерзения умного волчару!

Он обо всем знал заранее и все предусмотрел, все продумал! И реакцию Андрея, и его поведение, и даже амулет-зомби, как в простонародье назывался артефакт подавления воли, чтобы на камерах зафиксировалось мое добровольное прибытие на территорию Бравого!

Ненавижу!..

И конечно же – мое закономерное согласие, потому как без разрешения Ковена применять свое искусство проклятийник не имел права. Это каралось, и порой очень жестоко.

Я охнула, догадавшись, что Владислав специально будет доводить Зарницкого до смертельных проклятий, таких, чтобы я отвертеться не смогла. Ведь проклятье я в любом случае сниму и сделаю все, чтобы будущий Вожак круга умолчал об их применении.

Мельком мазнув взглядом по комнате и отметив шкаф, женский будуар, ширму, письменный стол и стул, я метнулась к двери, пытаюсь вспомнить, как меня сюда привели. Благо, хоть топографическим кретинизмом я не страдала, а потому выход нашелся именно там, где ему и положено было быть...

В Преемника Вожака летел «Берсерк», заклятье, заставляющее человека наносить страшные раны всем окружающим и себе в первую очередь. Но третье по счету в так называемой «проклятой сотне» до получателя не дошло – перед Владиславом вспыхнул алым заревом огненный щит, и все головы повернулись в мою сторону.

Здесь были Андрей, его ближайшие друзья – Женя и Дима и наверняка вся стая, что очень скоро перейдет к Бравому по наследству от отца. Маги – за спиной Зарницкого, волки – за своим предводителем. Соперники стояли друг напротив друга, напряженные, как струны, одинаково злые и упрямые. Когда я появилась в распахнутых воротах, оба мужчины резко выпрямились и в упор уставились на меня. Под столь пристальным вниманием вдруг стало очень неудобно.

– Вита, идем, мы уезжаем, – не терпящим возражений тоном сказал Зарницкий и протянул ко мне руку.

Я машинально дернулась к нему, хвала Тьме – целому и вроде невредимому, но тут поймала ехидный и откровенно предвкушающий взгляд золотых глаз оборотня, который был бли-

зок к частичной трансформации. Автоматически осмотрев вервольфа, заметила, что рубашка его порвана во многих местах и почти вся в кровавых пятнах, которые, я могла поклясться, медленно, но увеличивались.

«Реки крови» – убивающее проклятье, заставляющее кровь непрерывно течь из нанесенных ран.

– Вита! – Маг Земли шагнул ко мне, не понимая, почему я медлю.

Неожиданно даже для себя нахмурилась. Потому что «Реки крови» для оборотней, с которых в принципе любое проклятье снимается в разы тяжелее, чем со всех прочих – это подлость. Низкая и наглая. Неприемлемая для меня подлость.

Но я знала, почему Андрей это сделал. Потому что Бравый его довел, планомерно и профессионально он доводил моего жениха до точки кипения, до точки, после которой я буду обязана согласиться на его условия, если хочу, чтобы Зарницкий остался магом.

«Мне так жаль». «Прости меня». «Я сожалею».

Все это было не сравнимо по силе с той эмоцией, которую я пыталась выразить лицом, пока шаг за шагом, словно исполняя смертельный приговор, который не подлежит обжалованию, отходила ближе к оборотню, закрывая его собой.

Мне было больно. Очень. И боль эту не заглушила бы ни одна пощечина, которую хотелось дать самой себе. Все мое существо, все мое сердце тянулось к мужчине, стоящему напротив меня, с чьей руки готово было сорваться очередное проклятье, но разум, мой всегда холодный и беспристрастный ум железными капканами удерживал ноги на месте.

Так правильно. Так он не пострадает. Только так я смогу защитить его.

Мой жених дернулся как от пощечины.

– Вита... – резко севшим голосом произнес Андрей.

Картинка его лица на фоне душистой зелени вокруг особняка резко поплыла, размываемая слезами, которые неестественно горячими каплями покатались по щекам. Сжав до боли руки в кулаки так, что хрустнули костяшки, я резко выдохнула, разом вышибая из легких весь воздух, и тепло посмотрела ему в глаза. Рука медленно приподнялась, начиная выводить в воздухе руны, которые изучают все маги – основа для заполнения матриц заклинаний начального этапа.

«Два месяца... Постоянно... Вернусь...»

Оговоренный срок. Мое чувство. Обещание.

Зарницкий хотел кивнуть, но вместо этого почему-то желчно улыбнулся. Он умел так – одним взглядом уничтожить человека. Но со мной это использовал впервые. Я зло нахмурилась, но потом причина сама дала о себе знать, коснувшись своей грудью моей спины и положив руку на талию.

– Будь умницей, – почти беззвучно произнес Владислав.

То есть я не двигаюсь и не оспариваю его права на телесный контакт – сейчас, по крайней мере – а он молчит о проклятиях, одно из которых уже действовало, между прочим.

– Я понял тебя... родная. И буду ждать, – все же кивнул мой будущий жених.

– Возможно – напрасно, – с легкой иронией хмыкнул оборотень, и я с трудом удержалась, чтобы не съездить ему локтем в солнечное сплетение.

Андрей ничего не ответил, только окатил волка презрительно-брезгливым взглядом и дал знак своим садиться в машину. Черная «Волга» взвизгнула газом, и очень скоро на подъездной дороге около дома стояли только я и с десяток оборотней. Взгляд словно прикипел к машине жениха и никак не хотел отпускать уже почти незаметную на фоне чернильного неба точку.

Я не проронила ни слова со времени своего появления, но он все понял. Он всегда понимал меня, и от этого становилось еще тяжелее. Смотря на уезжающий автомобиль, я чувствовала, как железная дамба из холодных доводов трезвого разума начала трескаться, кусочек за

кусочком аргументы здравомыслия отлетали, сметаемые напором эмоций, боли, отчаяния и ненависти.

О, пожалуй, такой едкой смеси я не чувствовала никогда!

Отец говорил, что самый страшный человек – тот, который потерял самое дорогое, таким нельзя управлять, нельзя манипулировать, ему становится все равно, и он отдается во власть злости и гнева. Возможно, завтра или послезавтра я буду сильно жалеть о том, что позволила себе пересечь эту черту, выйти за рамки собственных принципов...

– Достойная лучшего применения преданность, – ухмыльнулся вер, крепче обхватывая мою талию. – Ты действительно умница, Виточка.

У всех есть предел терпения и прочности. У меня тоже был. Когда-то. До знакомства с этим блохастым. А теперь нет. Так, жалкие его остатки.

Ибо все остальное сгорело в жгучей, пылающей синим пламенем ярости.

...но не сегодня, не сейчас...

– Ты – чудовище! – рявкнула я, вспыхивая резко, без запала и всем телом. Ярко-голубое пламя, что жгло в разы сильнее красного, взметнулось столбом, превращая меня в живой факел. Пахнуло паленой кожей, но Владислав даже не дернулся, продолжая держать руки на моей талии и не давая мне обернуться. – Просто мерзкое, ублюдочное животное! Как ты посмел шантажировать меня?! Меня! Я могу изжарить тебя, твой дом и всю стаю, как вязанку гребанных дров! Ты совсем страх потерял, долбаный ты Серый волк?!

Его ладони дрогнули от гнева, и я успела воспользоваться моментом, одним слитным движением поворачиваясь к мужчине.

Звук пощечины повис в воздухе, словно ложка в желе. На загорелой коже четко проступил отпечаток моей ладони. Окружающие оборотни почти бесшумно отступили на шаг, потом еще на один, а потом мне стало не до них.

Вожак наклонился к моему лицу так быстро, что я была совсем не уверена – видела ли вообще это движение. Верхняя губа по-волчьи задралась, обнажая клыки длиннее человеческих и пропускающая сквозь зубы громоподобный, клокочущий рык.

И мне бы дрожать от ужаса, но эти злые, сверкающие расплавленным золотом глаза только подстегнули.

Я уже до синих искр в руках устала бояться. Просто осточертело!

– Ненавижу тебя, безнравственное, грубое, неотесанное животное! – прошипела бесстрашная (или просто глупая?) ведьма, глядя в глаза чудовищу, что возвышалось над ней на полторы головы. – Чтоб тебя твои же блохи сожрали!

И крутанувшись на каблуках, с гордо поднятой головой зашагала в дом. Волки передо мной расступались.

Ну еще бы. Чую, не слишком хотелось с прожжёнными до мяса лапами ходить.

Десять шагов в одну сторону, восемь в другую до спинки стула и стола. Обязательно – пнуть мебель. Развернуться и начать сначала.

Я злилась, просто горела от этого чувства! Вокруг меня плавильсь тонкие занавески, я оставила пару следов на паркете (темном, но не черном же!) и спалила к чертовой матери какой-то блокнот, лежащий на тумбочке рядом с кроватью.

Я злилась не просто от наглого поведения Бравого, от его мерзкой провокации Андрея и вообще от ситуации в целом. Бешенство накатывало еще и от того, что, если поставить меня на место оборотня, я бы тоже сделала все, чтобы добиться своего. И не важно, какими бы методами. Я злилась от четкого осознания этого.

Зашипела сквозь зубы и остановилась на месте, поднимая голову к потолку, чтобы охладить мозги.

Мне предстояло провести в этом доме, почти наедине с Владиславом, два долгих месяца, во время коих меня, без сомнений, будут всячески соблазнять и склонять в свою сторону. И я могла либо продолжать открытую конфронтацию, надеясь, что вервольф устанет биться со стеной (этот вариант даже мысленно звучал смешно и неправдоподобно), либо... постараться сгладить углы и попробовать сделать себя хозяйкой положения.

Кнут и пряник?..

Отчего-то остро захотелось выпить, хотя я не слишком жаловала алкоголь.

И если смотреть на вещи совсем уж объективно, то у меня изначально был только один вариант.

А потому я решительно вышла из своей комнаты, чтобы оказаться в коридоре с четырьмя дверями по одной стороне и с тремя – на другой. Великолепно. И где спрячется этот волк?

Тут дверь в конце коридора по моей стороне (то есть через одну) отворилась, выпуская наружу высокого, широкоплечего темноволосого мужчину, чем-то отдаленно похожего на Владислава. Заметив меня, он чуть улыбнулся, словно знал, что я собиралась Бравого искать.

Фыркнув, с независимым видом прошла мимо вера и, ни секунды не задержавшись на пороге комнаты, вошла в нее, покуда все мои добрые начинания не утонули под лавиной вновь вернувшегося страха и опасений.

Внутри было тепло, даже жарко, потому что там ярко горел камин. Рядом с ним в кресле обрелся Владислав, уже без рубашки и весь забинтованный, но марля быстро окрашивалась кровью. И так будет до тех пор, пока вся жизненно важная жидкость не выйдет. Помимо кресла, в комнате еще находился массивный стол, журнальный столик около камина, шкафы с книгами и папками, дополняя собой образ кабинета и одновременно – логова.

Оборотня знобило от кровопотери, раны не заживали, и похититель был белым как мел. Лицо его влажно блестело, он откинулся на спинку мебели, прикрыв веки. Больно, плохо, тяжело, но помощи не просит, хотя она в почти соседней комнате живет.

Чертов волк!

– Неужто моя гордая ведьма решила изменить своим принципам? – насмешливо хмыкнул мужчина, глядя на меня темными глазами, в которых плясало пламя.

Неодолимое желание развернуться и уйти было безжалостно задавлено разумом и осознанием, что смерть на своей совести я наверняка не вынесу. Да и кровь на руках Андрея мне была ни к чему.

– Снимай бинты. Еще нужны соль и тертый кварц, – проглотив шпильку и заклинание «Вечного факела», предельно спокойно проговорила я, без сомнений направляясь к проклятому.

– В чистом виде? – удивленно послышалось сзади, и я невольно вздрогнула, оборачиваясь.

Тот мужчина все еще стоял в коридоре, подозрительно наблюдая за мной.

– Мой брат и будущий Левый моего Круга – Виктор Бравый, – представил Владислав.

– Виталина Добровольская, – буркнула я. – Кварц есть в песке, гальке, горном хрустале, авантюрине, агате, аметисте. Что-нибудь из этого присутствует?

– Найдем, – кратко кинул он и испарился, словно растворившись в темноте.

Быстрее, пожалуйста, взмолилась я, старательно пытаюсь не смотреть Владиславу в глаза, которых он с меня не сводил, пристально следя за каждым шагом, жестом и вздохом. Усиленно размышляя о чем угодно, кроме, собственно, своего пациента, я приспустила бинт, которым было обвязано плечо.

Такое мощное, мускулистое плечо, обтянутое гладкой, загорелой, чуть блестящей кожей...

Могу собой гордиться – руки даже не дрогнули, прикасаясь к этому, что уж греха таить, великолепию.

Под марлей обнаружилась глубокая царапина, и, присмотревшись, поняла, что предвительно Андрей прошелся по вервольфу «125-ю ударами небес». Однако интересовало меня даже не то, чем оборотень так достал обычно сдержанного и хладнокровного ко всему мага, а...

– Почему ты не уклонялся? – спросила я, снимая бинт совсем и просто прикладывая его к царапине, которая продолжала кровоточить. – Это же больно.

Бравый только тонко улыбнулся, загадочно прищуривая глаза. Если бы он был котом, а не оборотнем, то есть из рода собачьих, то выглядел как какой-нибудь здоровый, черный мейнкун.

Мужчина чуть склонил голову к плечу, и огонь причудливо заиграл на темных волосах, окрашивая их в оранжевый, красный и золотой. Очень захотелось дотронуться до них, пропустить сквозь пальцы, но – нет. Это будет предательством по отношению к Андрею, пусть маленьким, однако мелкие всегда влекут за собой крупные.

– Что за руны ты ему написала? – в свою очередь поинтересовался оборотень, без сомнений, отмечая малейшую реакцию на свои действия и смотря на меня снизу-вверх.

Даже сидя, вер был ненамного ниже, да и вообще, если кто и чувствовал себя Моськой перед слоном, то я, а не он.

– Считаешь, если ты молчишь на мои вопросы, я брошусь отвечать на твои? – подняла я бровь.

Лукавая усмешка раздвинула чувственные губы, и мне начало казаться, что она вообще никогда не покидает его лица. Он постоянно смеется надо мной! Мерзавец!

– Потому что чем больше я пострадаю, тем дольше ты будешь меня лечить и, соответственно, находиться рядом со мной. – Он пожал плечами. – Все просто, моя ведьма.

Перед внутренним взором как живое вспыхнуло лицо Зарницкого в тот момент, когда я встала, закрывая собой Бравого. Его взгляд. Его боль.

– Перестань, – резко выдохнула я, отступая на шаг. – Перестань меня так называть! У тебя нет на это никакого права!

Темные глаза сузились, и мужчина хотел подняться, но передумал и остался сидеть. Это была не слабость, я прекрасно осознавала, что даже потеряй Бравый четыре литра из пяти, мое убийство не займет и секунды его времени. Он тоже это знал. И решил *лишний раз* не пугать. Добрый какой.

Вот только поздно уже.

Но я не успела даже дернуться, как мою руку схватили и сжали, потянув вниз, заставляя наклониться к его лицу.

Это было очень опасное положение – нос к носу. И его губы почти касались моих. Сколько бы я не пыталась уклониться, если хотела, чтобы конечность осталась при мне, приходилось стоять на месте.

– Запомни, моя ведьма – *только у меня* оно есть! – прорычал Владислав, неотрывно глядя мне в глаза своими – уже полностью золотыми. – И я разорву любого, кто посмеет хотя бы глянуть на тебя так, как не положено смотреть на чужую женщину. Я понятно выразился?

Холод пробежался вдоль позвоночника, оставляя мурашки на руках, и оборотень заметил это. Я же не шевелилась и дышать старалась как можно тише – ни секунды не сомневалась в его словах. Вот даже мысли такой не возникло.

Когда дверь начала открываться, я против воли выпрямилась, и руку Владислав выпустил, так что с дланью расставаться не пришлось, что радует. Виктор принес крупную поваренную соль и куски горного хрусталя с песком.

– Будьте добры – разотрите, – кивнув на осколки друзы, попросила я, беря в ладонь пригоршню соли и начиная пересыпать ее из ладони в ладонь.

– Что ты делаешь? – спросил Бравый, который Владислав.

– Делюсь силой и забираю остаточную негативную энергию, чтобы лечение прошло менее болезненно, – автоматически отозвалась я, следя за тем, как будущий Левый почти голыми руками крошит хрусталь. – Удобно быть таким сильным, наверное...

– Я не поэтому стану Левым, – улыбнулся Виктор. Вопросительно приподняла брови. – А потому, что лучший боец в стае.

– Лучший? – невольно переспросила я, оглянувшись на Владислава.

– После Вожака, – согласился брат пострадавшего. И протянул мне миску с истертым кварцем. – Достаточно?

– Да, спасибо, – отозвалась я, ссыпая соль туда же и пальцем перешивая кристаллы. – Вы снимаете бинты, я заживляю раны. Хорошо?

– Вик, выйди, – прежде, чем Левый открыл рот, скомандовал Владислав. Мужчина нахмурился, но ни слова против не сказал, а в дверях и вовсе ухмыльнулся. – Приступай, Виточка.

Дверь закрылась, отрезая нас от мира и оставляя меня один на один с полуголым мужчиной, который, если отбросить личную неприязнь, был красивым. И даже очень.

Когда-то я не понимала, почему Андрей так не любил ездить со мной на пляж. Потом подросла и, конечно, сообразила. Однако теперь на собственной шкуре испытала всю гамму ощущений, когда и дотронуться хочется, и нельзя, потому что... предательство.

Гвоздь программы был в том, что дотрагиваться как раз надо, но делать это нужно было... как врач осматривает пациента – холодно и беспристрастно, а не как влюбленная фанатка ошупывает своего кумира...

И никакой он мне не кумир! Наглый, самовлюбленный волчара!

С такими мыслями я шагнула вперед, прихватив с собой миску со смесью. Резким движением сорвала ближайший бинт, вытерла кровь и, черпанув соли с кварцем, приложила ладонь к ране. Владислав рыкнул с непривычки, когда соль начала разъедать царапину, но от большей реакции воздержался и вновь стал смотреть на меня, не отводя глаз ни на секунду.

Без разницы, что говорила ведьма, когда снимала проклятье, хоть анекдот рассказывала, лишь бы от чистого сердца и с добавлением силы. Лично я молилась Нинисине, Великой Богине исцеления и создательнице (к слову) оборотней, вспоминая заученные в детстве слова. Каждая из рас мира Тьмы молилась своей Матери, при этом почитая всех остальных.

Сложно не почитать тех, кто реален так же, как и все их создания. Говорят, вампиры с оборотнями, проходя обращение из людей в Иного, встречаются с Эрешкигаль и Нинисиной... Не знаю, насколько это правда.

Соль и кварц стали темно-коричневого цвета, вытягивая вместе с испорченной кровью проклятье. Бинтом отерев прилипшие кристаллы, увидела, как глубокая царапина затянулась почти мгновенно. И принялась за следующий бинт.

– Ты молишься Матери-создательнице? – удивленно хмыкнул Бравый, глядя на мои шевелящиеся губы. – Почему не Намму?

Доведя дело до конца, лишь кивнула, не видя смысла пускаться в долгие и нудные объяснения про привязку и благие намеренья, которые непосвященным покажутся слишком сложными и запутанными.

Я так увлеклась, что ничего не замечала, и даже не реагировала на гладкую и горячую кожу вервольфа, пока не потянулась к последней царапине.

Она была на боку, у тазобедренной кости, в непосредственной близости от... низа живота. Мужского. Тьма!..

– Ты можешь... встать? – стараясь говорить как прежде – спокойно и уверенно, как профессионал своего дела, спросила я.

Его губы дрогнули, и я могла поклясться, что он с большим трудом проглотил какую-то пошлую шутку – бесенята в его глазах не давали шанса ошибиться в предположениях.

– Для тебя – все, что угодно, – чуть хриловато прошептал Бравый, и я непроизвольно проследила за медленным, плавным и – семь судей² заберите его душу! – чертовски красивым движением, коим он поднялся из кресла и встал передо мной, подходя почти вплотную. – Так?

– Отойди... пожалуйста, – попросила ведьма, отчаянно краснея.

– Зачем? Ты же тогда не дотянешься до... раны, – усмехнулся мужчина, еще больше сокращая расстояние. Хотя больше уж, казалось, некуда просто.

– Отойди! – собрав всю волю в кулак, сурово произнесла я и... струсилась в последний момент, так и не взглянув ему в глаза.

Четверть шага назад, и я непроизвольно глубоко вздохнула, осознавая, что, кажется, вообще не дышала, пока оборотень был так близко.

Что же это такое?! Почему я так реагирую?!

Изменищица! Предательщица!

Мысленные пощечины отрезвили, и я вновь зачерпнула горсть смеси, всей ладонью накрывая последнюю – самую длинную царапину. Минералы вытягивали проклятье, медленно темнея, я почти скороговоркой проговорила про себя молитву и... не успела убрать руку, когда ее накрыла широкая ладонь, прижимая к уже здоровой коже.

Щеки опалило пламя, и я невольно сжалась, стараясь смотреть только на наши руки и не замечать всего того, что было ниже. С трудом оторвав взгляд и подняв его выше, до яремной впадины, замерла, пытаюсь дышать как можно глубже.

Я услышала ухмылку Бравого, и длинные пальцы коснулись подбородка, заставляя поднять голову. В таком положении смотреть вниз было неудобно, да и глаза в моем состоянии были предпочтительнее, чем губы...

Изменница!..

– Не стоит благодарности и... – начала я и тут же замолчала, замечая, как мужчина стал склоняться ко мне. Сразу отвернулась в сторону. – Нет, я...

Вервольф сделал шаг вперед. Непроизвольно отступила. Еще два ко мне, я – три назад. И в ноги врезалась крышка стола.

Сама себя загнала в ловушку!

Будущий Вожак не испытывал ни смущения, ни какого-то стеснения, когда сократил расстояние до того, что я даже сквозь ткань одежды чувствовала кожей его тепло. Уперевшись руками в стол, он наклонился до моего уровня, носом проводя от виска до уха, щекоча дыханием шею и пуская мурашки. Глубоко вдохнул, втягивая мой запах, и было в этом что-то... слишком интимное.

– Как же я могу не поблагодарить свою прекрасную спасительницу? – хрипло выдохнул мужчина. – Это будет грубо.

– Простого «спасибо» будет вполне достаточно, – пискнула я и осеклась, когда ладонь вера коснулась колени и оттуда поползла вверх, четко до края платья. – Пожалуйста, не надо... – Казалось, меня даже не услышали, осторожно забираясь пальцами под ткань и неотрывно следя за моей реакцией желтыми глазами волка. – Бравый...

– По имени, Вита, – прошептал похититель, дотрагиваясь губами до бьющейся в бешеном ритме жилки на шее. – Назови меня по имени.

Когда затряслись руки от желания положить их ему на плечи, шею, грудь – без разницы, лишь бы прикоснуться! – я поняла, что меня предало собственное тело, которое вопреки всем доводам разума стремилось к великолепному образчику мужской половины человечества.

Теплые и сухие губы скользнули ниже, к вороту, а ладонь чуть сжалась на ноге, заставляя рвано выдохнуть.

² Виталина имеет в виду судей, что служат Великой Матери Эрешкигаль в ее царстве мертвых – Иркалле.

– Ну же, Вита, я о многом не прошу, – с едва слышном рыком подстрекал вервольф, продолжая безнравственные действия, от которых голова шла кругом. – Назови по имени...

Зубами отодвинув мешающую ткань, мужчина скользнул губами ниже, в вырез платья. Дыхание сбилось, и я почувствовала его руку в собственных волосах, которые властные пальцы сжали в кулак и слегка потянули, заставив запрокинуть голову назад, открывая большой простор для действий.

Я закусила губу, чтобы не произносить ни звука, который рвался наружу. Ровно до того момента, как вторая ладонь не скользнула по ноге вверх, а зубы – чуть-чуть прикусили нежную кожу под ключицей.

– Владислав... – вырвалось со вздохом.

И оборотень вернулся к моему лицу, чтобы поцеловать уже в губы. Золотые глаза вспыхнули торжеством и удовольствием, а я вдруг вспомнила совсем другие глаза.

Серые. Злые. Уязвленные. Убитые.

Предательница. Грязная, лживая предательница.

Успела отвернуться до того, как мужские губы коснулись моих.

Бравый, словно прочитав, о чем я думаю, отступил на шаг, давая мне пространство. И только за одно это я была благодарна.

– Что ж, спасибо тебе, Виточка, за помощь. Я, как и обещал, буду обо всем молчать, – почти безразлично сказал преемник Вожака.

– Пожалуйста, – выдавила я из себя, машинально оправляя платье, и поймала волчий взгляд, полный голода и злости. – Спокойной ночи.

– И тебе... моя ведьма.

Дверь за мной хлопнула так, что, казалось, штукатурка посыплется с потолка.

Ненавижу.

Его... или *себя*?

ГЛАВА 3.

Проснулась я с первыми петухами, если можно было бы выразиться так в моей ситуации. Часы на запястье показывали без двадцати минут семь, за окном уже светило солнце и мелодично щебетали птицы.

Идиллия.

Встав с кровати, босыми ногами прошла по периметру комнаты. Пожалуй, обувь была единственным атрибутом одежды, который я позволила себе снять перед сном. Предвзвешенные привычки крепчают обычно с возрастом, а в моем случае еще и с окружением. Открыв двери шкафа, отступила на шаг. Он был полон красивых женских вещей.

Надеюсь, они новые, отчаянно пронеслось в голове.

Я не успела особо долго поразмыслить над сформировавшейся мыслью. В дверь постучали. Это был брат Бравого, который в весьма вежливой форме сообщил, что меня ожидают.

Стараясь поспевать за широкими шагами Виктора, я практически выбежала во двор поместья. В стороне от фруктовых деревьев и дорожек находился небольшой огород, который наверняка позволял хозяину дома наслаждаться время от времени свежими овощами. А ещё отметила, что на той территории, которую пока что показали моим глазам, не было цветов. Совершенно. Аккуратно подстриженный газон – да, а кроме него ничего. Левый шагнул куда-то в сторону, и, повернувшись за ним, я узрела нечто отдаленно похожее на летнюю беседку. Красивое сооружение в белых тонах с огромными, от потолка до пола окнами, явно совмещало в себе сразу несколько функций.

– Доброе утро, Виктор, спасибо, что сопровождал к завтраку нашу гостью.

С противоположной стороны к нам шло Его Величество. Безукоризненно одет, гладко выбрит, чертовски приятен женскому взгляду. Да любому, в принципе, взгляду. На секунду мне стало стыдно перед своей женской сущью за то, что моя персона не удосужилась с утра даже причесаться, что уж говорить про переодевание и макияж. Но чувство стыда перекрылось ненавистью и злорадством.

Я здесь не для того, чтобы кому бы то ни было нравиться!

Кивнув, Левый быстро и бесшумно растворился где-то за моей спиной.

– Я рад видеть тебя, моя ведьма.

Горячие губы мягко и нежно коснулись костяшек пальцев моей руки, которую Приемник незаметным движением взял в свои руки. По спине пробежали знакомый холодок. Скорость его движений, реакции была нечеловеческая. Звериная. И эта неуловимость пугала.

Подхватив меня под локоток, мужчина прогулочным шагом направился к беседке. Стиснув зубы, пошагала рядом.

– Как спалось?

Передо мной распахнули стеклянные двери, открывая вид на широкий темный стол из мореного дуба, покрытый белоснежной скатертью. Поверхность была заставлена различными вазочками и блюдами. Неплохо подготовился, волчара.

Хмыкнув, шагнула к столу, проводя рукой по льняной материи.

– Как-то неважно. – Небрежно пожимаю плечами. – Стены слишком тонкие, да и на улице всю ночь бегали какие-то собаки.

Повернув голову, тут же прикусила язык. Ох, отольется мне когда-нибудь собственная язвительность...

Бравый, смотрел на меня, опасно прищурился темными с желтыми крапинками глаза, а чувственные губы были сжаты в тонкую линию.

Сердце пропустило удар. И, кажется, я всё-таки вздрогнула. Инстинкт самосохранения подобно пожарной сирене верещал в голове, распугивая остальные мысли.

Услышав вздох, я вернулась взглядом к Бравому. Заметила, что мужчина убрал руки в карманы брюк и сделал несколько шагов вперёд, привалившись бедром к углу стола. В тёмных глазах сквозило непонимание.

– Почему ты так боишься?

Потому что ты способен свернуть мне шею раньше, чем я успею моргнуть?

Раздраженно передергиваю плечами.

– Я не боюсь.

– Врешь.

Его спокойная, жёсткая интонация действовала, как ушат холодной воды. Он мог читать меня, как чертову раскрытую на нужной странице книгу, и без зазрения совести делал это! В то время как для меня его непробиваемое лицо превосходного игрока в покер оставалось непробиваемым. Возмутительно.

– Я раздражена. Меня злит ситуация, в которой я оказалась. Вот и всё.

Я старалась говорить спокойно и монотонно, но делать это под пристальным, чуть насмешливым взглядом было трудно.

Ухмыльнувшись, Бравый окинул взглядом стол и как ни в чем не бывало перевёл разговор в совершенно другое русло:

– Что предпочитаешь на завтрак?

То есть прозрачно намекнули, что плевать хотели на мои страхи. Почувствовала себя глупо, и словно где-то когда-то это уже было. Ах да, с Мариной и ее любовью к оборотням. То бишь увлечение ее было для меня забавным, но, в общем-то, не стоило пристального внимания. Только теперь я оказалась на месте Анисимовой, правда, вместо увлечения с моей стороны панический ужас.

Галантно отодвинув стул, мужчина помог мне сесть, после чего прошёл к своему месту, которое оказалось поразительно близко к моему.

– Кофе и бутерброд вполне подойдут. – Пожимаю плечами, рассматривая взглядом тарелку.

– Ну же, Виточка, не стесняйся! Бутерброды вредны для желудка.

– А вы знаток правильного питания? – Хмыкнув, взяла со стола мягкий кусочек душистого хлеба, покрытый сверху сочной бужениной. Пожалуй, оборотни действительно знают толк в мясных продуктах.

И женщинах.

Плавное разливание по белоснежным фарфоровым чашкам горячий крепкий напиток, мужчина начал планомерно наполнять свою тарелку, отрезая понемногу от каждого представленного блюда. Когда он закончил со своей тарелкой, то без всякого стеснения взял мою, повторяя процедуру.

– Думаю, нам с тобой пора перейти на «ты», Вита. – Сказал чело... оборотень, тыкающий мне буквально с первой секунды нашей первой встречи. Смешно. – Расскажи о себе, хочу узнать тебя поближе.

– Приятного аппетита, господин Преемник Вожака стаи Бравого, – безапелляционно отрезала я, утыкаясь в свою тарелку.

Чтоб это мясо у тебя поперек горла встало, а потом и зад... непроходного отверстия, чертов волчара!

Мое откровенное нежелание идти на контакт и что-либо о себе рассказывать развеселило Бравого, отчего тот захохотал, чуть откинувшись на спинку стула. У него даже смех красивый. Зараза.

– К чему такие церемонии, Вита? Я не против, если ты будешь обращаться ко мне «Владислав» или «Влад».

Последнее прозвучало настолько тягуче и завлекающе, что я не выдержала. Раз уж у меня не было выбора относительно его общества, я решила всеми правдами и неправдами научиться выносить его компанию, но это мой предел!

Ибо он невыносим!

Швырнув красивую белую, как и скатерть, салфетку прямо на тарелку поверх еды, я с совершенно бескультурным скрипом отодвинула стул, решительно поднимаясь.

– Спасибо за завтрак, я сыта!

По горло!

Я глянула на мужчину, что с совершенно безмятежной улыбкой на лице следил за происходящим, и стремительно направилась к выходу.

– Виточка, ты не попробовала кофе! – донеслось мне в спину любезное до приторности.

И водородная бомба в моем лице рванула.

– Пошел к черту! – рявкнула, вылетая из беседки.

Честно сказать, я и сама не понимала, почему вела себя с ним так агрессивно. За конкретно сегодняшний день он не позволил себе в отношении меня ничего лишнего, но...

Манера его общения, поведения, аура вседозволенности! Он был на своей территории и вел себя соответственно. Сейчас мне нужно успокоиться и отвлечься. Относиться к нему, как к другу, у меня бы не получилось никогда, но вот представить его на месте своего нового знакомого, я бы, с определенными оговорками, вполне смогла. Нельзя прожить под одной крышей, будучи злейшими врагами – это факт.

В каждом из нас есть что-то хорошее. Вот и будем придерживаться этой дружелюбно-позитивной концепции.

Осталось только разглядеть это в нем.

Ноги принесли меня к развилке. Мощеная мраморными плитами дорожка закруглялась, разделяясь надвое. Первая вела к парадному крыльцу дома, а вторая к стройным рядам фруктовых деревьев и кустарников. Поразмыслив с минуту, пришла к выводу, что сидеть целый день в четырех стенах я совершенно не желаю, поэтому медленно направилась в сторону насаждений. Ветер доносил приятные ароматы свежей зелени и тепла. Я ни раз замечала, что весной и летом воздух пахнет совершенно по-особенному, не так, как осенью или зимой. В нем появляется какая-то легкая душистая нотка, заставляющая дышать полной грудью.

Дорожка стала немного уже и подвела меня к первым деревьям – молоденьким яблонькам. По толщине ствола можно было бы сказать, что им не больше шести или семи лет, тем не менее, многие из них во всю плодоносили, усыпанные зарумянившимися плодами.

Сойдя с тропинки, подошла ближе. Завтрака особо плотного по моей же вине не получилось, а яблоки я любила всегда. Обойдя дерево, присмотрела сочный, с красным бочком плод, который висел практически надо мной. Встав на цыпочки, постаралась сцапать, но пальцы беспомощно заскребли по воздуху. Сдув со лба выбившуюся прядь, немного отступила и подпрыгнула, вновь потерпев фиаско. Ну, не левитировать же, право слово, ради такого...

Сзади послышался тихий, хриловатый смешок, заставив меня вздрогнуть, но не успела я обернуться, как широкие, горячие ладони легли мне на талию, а затем плавным движением приподняли. Босоножки, соскользнув с ног, попадали на землю, а манящее яблочко теперь оказалось на уровне моей груди. Вот это силища!

Отмерев, я сорвала фрукт с ветки, после чего меня плавно спустили ближе к земле, но все так же удерживали на весу, позволяя надеть обувь, не запачкав при этом ступни в земле.

– Спасибо.

– Пожалуйста, – хмыкнул вер, а мне стало неловко за сцену в беседке.

– Я... Я прошу прощения. За утро. Чтоб ты знал, я не всегда себя так веду. Сегодня просто не с той ноги встала.

– Ну да, не на ту метлу села и не в ту сторону полетела, – усмехнулся Бравый. Обаятельный зубоскал, чтоб его.

Его замечание повеселило. Невесть, какая шутка, но я улыбнулась, с хрустом кусая сочное яблоко, которое оказалось потрясающим на вкус. Сладкое, но с легкой кислинкой, мясистое, оно словно таяло во рту.

– Очень вкусное! – пробубнила с набитым ртом. – Что это за сорт?

– Я рад, что понравилось. Это гибрид.

– Гибрид?

– Да, отец одно время увлекался садовыми культурами, да и меня на время завлекло. Решил по юности попробовать, а когда дело дало результат, то тяга немного окрепла.

Пару раз хлопнув глазами, окинула взглядом верхушки деревьев.

– Значит, ты посадил все это своими руками?

– Не все, только несколько и эта яблоня одна из них. Мне больше по душе пчеловодство.

На этой ноте кусок яблока встал поперек горла, отчего я закашлялась. На глаза набегали слезы, меня легонько встряхнули и хлопнули по спине. Дышать стало проще, но глаза не хотели сужаться от диаметра блюдец к прежним размерам.

– Прости, пчеловодство?

Мужчина посверлил меня долгим взглядом, отчего стало стыдно и даже немного не по себе, а после засмеялся.

– За завтраком было несколько пиал с домашним медом, но ты слишком быстро покинула застолье.

Кашлянув, попыталась отвернуться, скрыв румянец. Так и знала, что этот волчара не упустит возможности лишний раз вставить шпильку по этому поводу.

– Я бы не сказала, что ты производишь впечатление человека, чье хобби – пчеловодство, – буркнула я, держа огрызок за веточку и отчаянно размышляя, куда бы выкинуть. Вряд ли тут расставлены мусорные корзины, придется носить в руках.

– А какое я произвожу впечатление? – хрипло проговорил вервольф, останавливая и останавливая меня. Придерживая за запястье, этот волчара развернул ведьму к себе, заставляя смотреть ему в лицо.

– До этого момента я была о тебе совершенно невысокого мнения. С первой нашей встречи у меня сложилось о тебе крайне мерзкое впечатление. – Лицо вера окаменело, а глаза, что прожигали своим взглядом, подернулись льдом. Горячие пальцы сильнее сжали запястье, но захват не причинял боли, по крайней мере, пока. Вдохнув, я продолжила: – Ты похитил меня, шантажом заставил принять твою сторону, твое поведение порой пугает и доводит до края.

Губы мужчины побелели, сжавшись в тонкую полоску, а на щеках заиграли желваки. Мое сердце ускорило ритм, а ладони покрылись испариной. Возможно, я сумасшедшая или безбашенная, раз не могу прикусить язык, продолжая выплескивать на одного из опаснейших представителей расы оборотней свое негодование вперемешку с обидой и злостью. А возможно, я просто не считала нужным это скрывать и лгать, ведь у меня все на лице и в запахе написано.

– Но, несмотря на все это, – я уставилась в темные, но уже с вертикальным зрачком глаза, от чего по спине пробежал холодок, – ты спас мне на празднике жизнь, оттолкнув с траектории удара. Я благодарна за это.

– Вчера.

– Что?

– Вчера ты сняла проклятье, потому что хотела вернуть долг?

Я вздрогнула, как от пощечины, взглядываясь в стремительно желтеющие глаза напротив. Я не думала об этом, когда лечила его. Тогда я исходила не из чувства долга, а следуя собственными принципами, которые не позволяли оставить нуждающегося в беде. Сострадание – это моя

ахиллесова пята, которая точно когда-нибудь вобьет последний гвоздь в крышку моего гроба. А после знакомства с этим волком, думаю, произойдет это не в столь далеком будущем.

Но темный сгусток обиды и злобы, недавно появившийся в моей душе, не позволил сказать правду. Пожалуй, это был единственный в жизни раз, когда мне удалось обмануть оборотня.

– Да.

– Ясно.

Хоть его голос не выражал совершенно никаких эмоций, как, собственно, и лицо, которое за какую-то пару секунд стало абсолютно бесстрастным, я ощутила практически материальную волну злости, рябью разошедшуюся от вера. Мой ответ его не устроил.

Вздыхнув, я высвободила руку (со второй попытки) и шагнула в направлении поместья. Настроение было подпорчено, а разговор теперь вряд ли завяжется. Да и не хочется его завязывать, если быть до конца откровенной.

– Спасибо за прогулку и завтрак, я немного утомилась и пойду в дом.

Это была жалкая, ничтожная и нелепая отговорка. Не дожидаясь ответа от молчаливого Вожака, развернулась, шагая в сторону моей временной комнаты, всеми силами стараясь не сорваться на бег.

Обратно к развилке я вернулась быстро.

В какой-то момент я передумала и направилась в сторону качелей, которые заметила, пока меня конвоировали на завтрак. Они стояли на довольно просторной площадке, утопавшей в приятном теньке. Молодые яблоньки добавляли картине привлекательности, хотя определённо отныне яблоки будут ассоциироваться у меня отнюдь не с летом.

Сидение качнулось, стоило мне до него дотронуться. Оттолкнувшись, начала медленно раскачиваться, сама не понимая, когда мысли снова вернулись к Вожаку Бравой стаи, который в последние дни занимал их все чаще.

Я могла отпираться, сколько влезет, но, как и у каждой девушки, в моей голове раз за разом возникали сравнения.

Высокий, красивый, прекрасно сложенный, матерый волк-доминант, который всегда принимал решения сам, даже не спрашивая моего мнения, но – никогда! – против меня.

И такой же высокий, для меня во всех отношениях идеальный маг Земли, один из ведущих проклятийников страны, с которым я знакома с детства, которого знаю лучше, чем себя, и который тоже принимал решения частенько без моего ведома, но лишь потому, что прекрасно знал мою позицию на каждый вопрос.

Как и любой девушке, такое внимание льстило, но... и пугало. Я знала предел Андрея, могла предугадать его поведение на каждое свое действие. Как поступит в той или иной ситуации Владислав – не имела ни малейшего понятия.

И это до определенной границы интриговало.

Вот только где она, эта граница?!

Когда я заметила, что уже не одна в своём уединенном уголке, было уже поздновато. Субъект, прервавший мои раздумья, был, как и все оборотни, высок, мускулист и не совсем дружелюбно настроен. Точнее – совсем недружелюбно. Мужчина был видимо старше Владислава, но вот так с ходу определить – насколько, было невозможно. Его светлые серые глаза с заметной неприязнью рассматривали меня от входа на площадку с качелями.

– Скучаете? – звучным тенором спросил оборотень, делая шаг ко мне.

С огромным трудом удержалась, чтобы не поежиться. Теперь могу по опыту сказать, что Бравый один из самых милых представителей своего вида.

Запоздало вспомнила, что видела его вчера, когда приезжал Андрей. И стоял он совсем не рядом с будущим Вожаком. То есть и к числу его горячих последователей он не относится.

– Нет, что вы, – максимально вежливо проговорила я, чуть улыбнувшись.

Мы с ним двинулись одновременно – я поднялась с качелей, мужчина направился ко мне – стремительно, быстро и без всякого намека на радость при встрече с гостьей своего Вожака.

Убегать от вервольфа, как показал и научил опыт, дело гиблое и глупое, посему я замерла, машинально подбираясь и готовясь при малейшей угрозе применить дар. Преемник преемником, но никто другой меня трогать права не имеет.

Между нами осталось расстояние шага в два.

– Вы что-то хотели? – Вежливость по-прежнему наше все.

– Да... ведьма. – И с присущей всем оборотням прямолинейностью произнёс: – Мне понравилось твоё вчерашнее поведение и сопротивление. Оно достойно твоей славы, Виталина. И достойно лучшего мужчины.

Против воли я чуть прищурилась.

Да, деспотичный Владислав Бравый раздражал меня до крайности, выбивался из колеи привычных в мире магов мужчин. Да, похищение заставило ненавидеть его. И весь его характер, и образ представлялся мне тёмным и угрожающим.

Но отчего-то я была на сто процентов уверена, что он бы не плел интриг за спиной своего врага и соперника. Опять же похищение тому доказательство.

– Например, Вас? – подняла я бровь.

– Почему нет? – изогнул бровь мужчина в ответ.

Ещё шаг вперёд, и чужая рука эдак ненавязчиво легла на талию. Возмущение, вспыхнувшее внутри, также отличалось от того, которое обычно вызывал во мне Владислав. Хотя бы тем, что подсознательно была уверена – несмотря на все угрозы, я была в безопасности в любом случае. Здесь, с этим оборотнем, такой уверенности я не испытывала.

Более того, совершенно точно – веру абсолютно плевать на меня. Если я встану между ним и его замыслом и целью – он сломает мне шею так быстро, что даже пискнуть не успею.

– Потому что я не веду переговоров с подковёрными интриганами, – глядя ему в глаза, отчеканила я.

И ведь знала, что ничего хорошего ждать после таких слов не приходилось. Но – принцип. Первое правило ведьм – мы помогаем лишь тем, кто достоин.

Тот, кто идёт против своего Вожака – не достоин априори.

Наши руки взметнулись одновременно, но он благодаря нечеловеческой реакции успел больше. Огромная ладонь сжала мои волосы в кулак в тот момент, когда моя пылающая синим огнём длань опустилась плашмя ему на лицо.

Резко пахнуло паленым мясом и кожей, вервольф взвыл, но не отшатнулся, как я надеялась, а стиснул кулак сильнее, натянув так, что из глаз у меня брызнули слёзы. Я вскрикнула и машинально схватилась за его руку, что держала за волосы. Боль сработала как катализатор, и я спустила огонь раньше, чем подумала об этом.

Всем известно, что синее пламя жжет сильнее, чем красное, а магически усиленное синее пламя сжигает все и сразу, только прикасаясь.

Волк дернул меня в сторону и зарычал, отшвырнув от себя с такой силой, что я вбурилась в землю чуть ли не на полуметровую глубину, больно оцарапав ладони, локти и половину лица. В ушах зазвенело, и, наверное, поэтому начало дальнейшего действия прошло мимо меня.

Громоподобный рык, из-за которого с ближайших деревьев начали облетать листья, почти мгновенно вернул к реальности, заставив обернуться. И судорожно зажать рот ладонью, инстинктивно понимая, что провоцировать ЭТО не стоит.

Огромный монстр в обрывках одежды, по которым я и опознала владельца дома, с гипертрофированно большими конечностями и с когтями длинной в приличный кинжал, но, полагаю, на порядок острее. И этот монстр почти голыми руками разрывал мужчину, рядом с которым я стояла буквально секунду назад.

Какая-то часть сознания отстраненно сканировала существо. Его слишком вытянутую для человека, но недостаточно – для волка морду. Жесткую, лоснящуюся шерсть, что темнела на шее, очевидно, защищая важные артерии. На уши – острые и вытянутые в длину, стоящие практически на затылке. Но особенно меня насторожили зубы – верхние и нижние четверки выделялись среди остальных клыков на добрый мизинец. И этот факт напомнил о единственном создании Тьмы с подобной зубной картой.

Вурдалак. Очень дальний родственник оборотня. Видимо, в своей этой переходной – боевой – трансформации вервольфы повторяли онтогенез своего вида, как человеческий зародыш – всю эволюцию.

По отдельности все это было не страшно, и даже интересно – в какой-то степени, но стоило окинуть чудовище взглядом целиком, как кошмары станут вашими постоянными спутниками. Если вы вообще выживите, а не умрете на месте от разрыва сердца.

Я очнулась тогда, когда тот, кого раньше знала, как хамовато-наглого Бравого, схватил противника за горло, вспарывая незащищенную кожу, и горячая кровь из артерии брызнула мне на лицо.

И что-то внутри щелкнуло.

Инстинкт. Но не самосохранения, а ведьминский – мы защищаем разумные расы. Даже от них самих.

«Назови по имени...» Тогда это было важно для него, возможно, сработает и сейчас. А даже если и не сработает... Есть «Вечный пламень» – заклинание, сжигающее все, даже цемент, но все же лишняя смерть на руках мне ни к чему.

– Владислав! – Думала сказать это громко и уверенно, но вырвался какой-то несурзанный хрип.

И монстр резко поднял голову, глядя прямо на меня жёлтыми волчьими глазами. Сердце ушло куда-то в пятки, а потом скакнуло в горло, заставив сглотнуть. Но коготь, медленно поползший вдоль мужской шеи, помог экстремально быстро взять себя в руки. А также осознать, что даже в таком – далеком от человеческого – состоянии этот вшивый оборотень все равно меня шантажирует!

– Отпусти его... – Черно-серая ладонь сжалась сильнее, заставив другого оборотня судорожно забиться в тисках. Как с такими ранами он еще умудрялся трепыхаться?! – Владислав...

Монстр чуть склонил голову к плечу и почти брезгливо отбросил хрипящую тушу от себя. Проследив на какое-то мгновение за ней взглядом, углядела бледновато-сизые внутренности. Но я искренне надеялась на то, что повреждения не настолько обширны, чтобы он не смог излечиться. А потом оборотень, парой жестов растерзавший здоровенного волчару, направился в мою сторону, и мне резко стало не до пострадавшего

Я как сидела на коленях, упираясь окровавленными ладонями в землю, так в таком положении и следила за его приближением. Он же медленно опустился на корточки, возвышаясь надо мной, как священная гора над грешником, и поднял руку-лапу к моему лицу. Я как зачарованная смотрела на огромную ладонь, с содроганием отмечая на ней подтеки крови. Свежей, еще теплой... И она все приближалась и приближалась, а потом подцепила прядь волос, совсем по-человечески пропуская ее между пальцев.

И, наверное, именно эта кровь вынудила меня чуть ли не проскулить:

– Вернись обратно, Владислав... Вернись, пожалуйста... Я прошу тебя, Влад.

Поддавшись порыву, вытянула руки, едва ощутимо проводя кончиками пальцев по грубой, шершавой коже, обхватила ладонь, совершенно не думая о том, что запросто могу остаться без ставших уже родными пальцев, отчекрывив их ногтями-кинжалами неосторожным движением. Да что уж говорить, я в принципе тогда не думала. В голове стояла звенящая пустота, а кожа лица все еще горела в тех местах, куда попала кровь поверженного волка.

Чудовище мгновенно перевело взгляд на мои ладошки, обхватившие гигантскую лапу, а затем издало какой-то отдаленно напоминающий урчание звук. То, случилось в следующий момент, я так и не смогла понять, смотря пустым взглядом прямо перед собой. В одно мгновение в глазах как будто помутилось, контуры чужого тела поплыли, а в следующую секунду пришло понимание, что удерживаю я уже не лапу монстра, а теплую, влажную от крови руку человека.

– Влад? – Мозг совершенно не желал акцентировать на чем бы то ни было пристальное внимание, тем самым оберегая свою хозяйку от еще большего нервного потрясения.

Рвано, сквозь зубы, выдохнув, Преемник Вожака медленно, словно обращался с пугливой ланью, высвободил из «захвата» свою руку, после чего меня аккуратно подняли, прижав к широкой груди. Слушая спокойные удары сильного волчьего сердца, которое ритмично билось под щекой, я впала в своеобразный транс, полностью уходя в себя.

То, что произошло на площадке с качелями несколько минут назад, было полнейшим варварством, проявлением нечеловеческой жестокости и кровожадности.

«Они и не люди, Вита».

А затем накрыло осознание. Понимание сразу нескольких вещей.

Это было дикостью и ужасом *лишь для меня*. Для оборотней вопрос силы, который всегда стоит на первом месте – это *нормально*. Бросить или принять вызов – дело чести. Поединок – единственный оптимальный способ узнать, чего стоишь ты или твой оппонент, а в делах любовных еще и прекрасный повод, чтобы получить желанную добычу и устранить конкурента. *Навсегда*.

Непроизвольно содрогнулась, инстинктивно прижимаясь к теплу. Мне было страшно. Просто, банально страшно. Сейчас я была не огненной ведьмой, известной проклятийницей и просто уравновешенным, *взрослым* человеком, нет. Сейчас я чувствовала себя маленьким ребенком, который трясся под одеялом в надежде, что плюшевый мишка сможет защитить его от всех подкроватных монстров. А он не защитит.

Потому что *он и есть тот монстр*. Причем *самый* страшный.

Когда в нос ударил запах мускуса, смутно знакомый, я попыталась сфокусировать взгляд, чтобы понять, куда меня отбуксировали. Осознание шло долго, а когда аккуратно посадили на край кровати, все-таки сообразила, что нахожусь в личных покоях Бравого. Мужчина встал сбоку, рассматривая напряженным взглядом. В глубине глаз все еще мелькали время от времени красные вспышки недавно утихшей ярости. Или не утихшей...

Взгляд скользнул по рукам, что по предплечья были в подсыхающей крови. Внутренности словно связало в тугий ком, тело повторно содрогнулось, и я согнулась пополам, обхватывая себя руками. Стало очень холодно. На коже выступили мурашки. Видимо, организм медленно и без особого желания начал отходить от шока, заменяя отстраненность на сильные накатывающие эмоции. Я не видела лица Бравого, мутным взором рассматривая собственные ноги, но отчетливо слышала глухое, явно подавляемое рычание.

Он злился, но не на меня. Что радует, но ни в коей мере не успокаивает.

– Я смою кровь, подожди... Пожалуйста, – тихо проговорил мужчина, видимо, стараясь вести себя как можно более вежливо.

Дверь закрылась, оставляя меня наедине со своими мыслями.

Я могла погибнуть.

Такая простая истина шариком прокатилась в голове, а после взорвалась цветным калейдоскопом, проносясь перед внутренним взором обрывками воспоминаний.

Кровь. Хрипы. Кровь. Рык. Кровь. Вываливающиеся наружу органы поверженного...

У меня просто сдали нервы. Глубоко и плавно вздохнув, словно ныряльщик перед долгим погружением, я прикрыла глаза, и по щекам потекли слезы. Крупные горячие капли скатыва-

лись одна за другой, дыхание стало частым и неровным, а после тихий плачь и вовсе перешел в рыдания.

Не поднимая голову с собственных колен, я упивалась жалостью к себе, словно мазохист, раз за разом вспоминая, как меня швыряют о землю, как обжигает лицо кровь, горячая, только только бегущая по артериям, и жуткого монстра... спасшего мне жизнь.

Пребывая в крайней степени истерики, я не сразу поняла, что меня, словно маленького ребенка, укутали в мягкое, теплое одеяло, пахнущее какой-то душистой специей. Не заметила, что Бравый уже вернулся из душа, и теперь по его влажным, потемневшим от воды волосам стекали, падая вниз, капельки воды. Мужчина сел на кровать, подогнув под себя одну ногу. Укутанную в одеяло, усадил к себе на колени.

Это подействовало. В тепле и мягкости, чувствуя медленные, укачивающие движения сильных рук, я начала успокаиваться. Тело перестало трясти, а мурашки и вовсе пропали. Изредка шмыгая носом, я неосмысленным взглядом смотрела в потолок. Горячие мужские пальцы аккуратно стерли с щек остатки влаги.

Медленно перевела глаза на мужчину, пересекаясь с ним взглядами. В них плескалось неподдельное сожаление, смешанное со странной решимостью.

Наклонившись ко мне, вер опустил голову мне на плечо, полностью скрывая выражения своего лица. Не успела я раскрыть рот, чтобы выдать из себя что-нибудь, как Бравый заговорил:

– Ты представить себе не может, как сильно я испугался за тебя, Вита... Святая Тьма, он мог тебя покалечить, а я... – Мужчина ненадолго затих, глубоко вдыхая мой запах сквозь одеяло. – Этого никогда больше не повторится, я даю тебе слово. Никто из оборотней не прикоснется к тебе даже пальцем.

– *И ты?*

Я предпочла бы услышать что-то вроде «даже я», но было отчётливо ясно, что рассчитывать на это не стоит.

Владислав и не стал ничего говорить. Он просто молча смотрел на меня, не прекращая медленных успокаивающих поглаживаний по спине.

– Значит, ты будешь дотрагиваться...

– Я единственный имею на это право. – И сказано было так, что сразу стало понятно – он действительно верит в то, что говорит. Для него это истина, которая не подлежит обсуждению и оспариванию.

Отвернувшись, посмотрела в пространство, пытаясь удержать в себе все эмоции, которые как кипящий котел бурлили внутри. Это началось очень странно... Странно продолжалось и...

А с чего, собственно, все началось?!

– Можно вопрос? – Он кивнул, но взгляд стал напряженным. – Как ты понял, что... – Я позорно замялась, не смогла произнести это слово в отношении Бравого.

– Ты моя? – с ухмылкой закончил мужчина.

От его пронизательности мне даже на секунду полегчало. Казалось, я бы и под пульсаром не смогла выдать из себя два таких простых слова. Все, что для нас, магов, было делом такта, воспитания и правилами хорошего тона, для оборотней казалось совершенно естественным. Если Бравого интересовал какой-то вопрос или нюанс вплоть до того, что я считала уже за гранью интимного, он просто спрашивал. Слишком прямо, слишком открыто, слишком запретно.

Слишком много «слишком».

Пока я медленно, но верно грязла в собственных невеселых раздумьях на тему полной и абсолютной несовместимости оборотней и магов, Бравый переместил руку мне на голову, начав аккуратно поглаживать волосы, пропуская пряди сквозь пальцы. Его невесомые прикос-

новения к пострадавшему затылку приносили облегчение, они не мешали, не смущали и были естественны, как дыхание...

Докатилась!

Вздохнув, я чуть сместила голову влево и уставилась на него в ожидании ответа.

– А ты ведь про нас совершенно ничего не знаешь... – как-то рассеянно проговорил Вожак, словно не отвечая, а скорее размышляя вслух.

– Я читала в некоторых гримурах, – важно задрала я нос кверху, но под ехидно задранной бровью сникла. – Немного...

Вер звучно цыкнул, перебив меня. Моя светлость поморщилась. Ненавижу, когда перебивают, у него точно нет никаких манер. Совершенно. Хотя, что взять с примитивного волчары...

– Никто, кроме оборотней, не может знать об оборотнях столько, сколько знаем мы. В твоих книжечках наверняка собраны какие-то крохи, щедро пожертвованные в массы кем-то с весьма длинным языком.

– Может, то, что я знаю и крохи, но не надо утрировать, сводя даже их к нулю! – Я фыркнула не хуже любого ежа. И словила себя на мысли, что уже почти успокоилась.

Бравый покровительственно ухмыльнулся, снисходительно глядя на меня сверху-вниз. Отчего-то неимоверно захотелось почесать правый кулак. Желательно об одну нахальную физиономию, возомнившую себя «мудрецом великим, и незримое зрящим направо и налево».

– Ну что ж, тогда порази меня своими познаниями, моя ведьма. Возможно, я неправ, и мне нужно будет извиниться.

Я прищурилась, смерив волка холодным взглядом, а он в ответ заразительно улыбнулся. Не так, как раньше – ядовито, холодно и цинично, а как-то по-новому для меня – открыто, ярко и призывно.

По-доброму.

Ненадолго зависла, осмысливая, издевается или нет. Ничего личного, но если в течение нескольких дней над тобой постоянно подтрунивают и посмеиваются, то постепенно и планомерно начинает в голове цвести чудо-трава – паранойя.

Моргнула, сбросив очарование, которое галлонами выливалось из его улыбки, и вернулась к нити разговора.

– Вы не переносите серебро.

– Какая труднодоступная информация! – с совершенно серьезным лицом ужаснулся оборотень.

Уверена, что наполнить свой голос еще большей иронией и саркастичностью невозможно. Сквозь одеяло, насколько позволяли возможности, попыталась ткнуть волчару в живот. Заработав ехидный взгляд, разозлилась сильнее.

– Зависимы от лунных фаз в каком-то роде. – Проговорила и тут же нахмурилась, понимая, что сказала очередную прописную истину.

Готовясь к очередной ядовитой реплике, уставилась на Бравого. Уголки губ у него дрожали, что говорило о том, как трудно ему не рассмеяться мне в лицо!

Потешаться раньше не над кем было, телевизор бы купил...

– Ладно, хорошо, ты прав! Полегчало? Приятно, когда другие это признают?! Ты. Прав. Молодец! То, что я знаю, действительно, не совсем достоверно. – Я распялялась все больше, смотря в эти веселые темно-карие глаза, которые всегда – *всегда!* – надо мной смеялись! – Я ведь думала, что у каждого оборотня только две формы: человеческая и звериная! Как жаль, что автор не расписал подробно, что их на самом деле больше, забыл, наверное, от страха, когда перед ним возникло гигантское смертоносное чудовище, от одного взгляда на которое кровь в жилах стынет!

Глаза Бравого уже не были такими лукавыми, а руки, которые все это время без каких бы то ни было признаков усталости удерживали меня на весу, вдруг напряглись.

– Ты считаешь меня чудовищем?

– Я считаю чудовищем то, что я видела. – Голос неожиданно сорвался на хрип, а в горле запершило.

– В этом и есть ваше, магов, главное заблуждение, – чуть раздраженно проговорил вер, сильнее закутывая меня в одеяло, видимо, из-за моего хрипа решил, что начала простужаться. – Вы всегда пытаетесь все делить. Сердце и разум, чувства и эмоции, талант и упорную работу, человеческое и звериное. Не понимая, что оно неделимо. Одно содержится в другом. Их нельзя разорвать при всем желании. Сейчас – это *Я*. Там, внизу, это тоже был *Я*, и, обращаясь в волка, *Я* по-прежнему остаюсь *собой*.

Он ненадолго замолчал, а я прибывала в прострации, пытаюсь переварить услышанное, но много времени мне не дали. Вожак продолжил:

– Звериная часть – неотъемлемая составляющая оборотней. Она никуда не девается, если мы находимся в людском облике. Так же, как и никуда не исчезает человечность и разум, когда мы обращаемся в звериную или боевую формы. Поэтому опасаться меня – это последнее, что тебе нужно делать.

– Ты чуть не убил его... – проговорила я, поражаясь, что мне удалось вывести вервольфа на такие откровения.

– Я уже говорил тебе, что уничтожу любого, кто посмеет причинить тебе вред. Кто хотя бы об этом подумает. Стая примет тебя и будет относиться с уважением.

– Почему ты так уверен в этом?

– Потому что я Вожак, а ты...

Он замолчал, с какой-то затаенной нежностью рассматривая мое лицо, и от этого взгляда последние руины моих надежд разбились вдребезги. Душу в одночасье затопило отчаяние. Спасения нет.

– А я твой трофей?

– Ты моя *пара*, Вита. Самое дорогое, что может быть у оборотня. Там, на вашем ведьмовском празднике, я *полюбил* тебя.

– И это... надолго?

Мужчина издал тихий смешок. Чуть прищуривая глаза, он, словно гигантский кот, потерся носом о мою щеку, целуя в уголок рта. В этих жестах не было и намека на эротику и звериную страсть, которая сбивала с толку, лишая мозг возможности функционировать. В них сквозила всепоглощающая нежность и трепетность.

Я действительно была *дорога* ему. В каждом движении проглядывалось желание уберечь, оградить и защитить. Проведя носом к подбородку, Бравый поднял на меня глаза, мягким баритоном отвечая на мой вопрос. Вот только для меня слова его были оглушительнее раскатов набата.

– Это *навсегда*.

Такое странное слово. Когда его говорил Андрей, сжимая мои руки и утыкаясь носом в волосы, оно звучало приятно и правильно, так, как должно звучать из уст любимого мужчины для возлюбленной им женщины.

Сейчас оно эхом отдавалось в ушах, светилось в темных глазах оборотня, и я физически чувствовала, как оно укореняется в моем мозгу. Не причиняет боль, не дарит надежду, а настораживает и пугает. Заставляет задуматься: а что делать дальше? Что будет потом, когда срок выйдет?

Ведь я уйду, вернусь к Зарницкому, который – искренне надеюсь – примет меня даже такую, прожившую два месяца с вервольфом.

Что будет с ним, с Владиславом?..

Этот вопрос заставил вздрогнуть. Потому что день назад, когда он увел меня от Андрея на балу, я и подумать не могла, что буду хотя бы на секунду задумываться о чувствах этого самоуверенного, деспотично-агрессивного тирана.

– Замерзла? – обеспокоенно спросил этот самый, плотнее – хотя казалось, что плотнее уже некуда – укутывая меня в одеяло. – Может, в душ? Или чаю?

– Ты обещал отпустить меня, помнишь? – невпопад спросила я, поднимая взгляд на него. – Когда срок выйдет, а я не соглашусь остаться с тобой. Ты обещал отпустить.

– И я выполню свое обещание, хотя, видит Тьма, с превеликим удовольствием оторвался бы твоему землянику башку! – зло рыкнул Бравый, сверкнув золотом глаз.

– Я хотела спросить... – О Тьма милосердная, дай мне сил закончить и не умереть от стыда! – Что будет с тобой, когда я уйду?

– А ты так в этом уверена? Что захочешь уходить? – усмехнулся вервольф, но я пропустила его неуклюжую попытку увести меня от темы мимо ушей.

– Отвечай.

Оборотень отвел глаза лишь на секунду, но и этого вполне хватило, чтобы уяснить – ничего хорошего.

С каких пор это вообще стало меня волновать?!

Глупая, глупая ведьма! Ты так быстро попала на крючок к тому, кто гроздьями снимает с себя таких же пустоголовых девочек-дурочек, и которые к вонючему гоблину ему не нужны!..

– Ничего, – безразлично ответил Владислав. Слишком безразлично для того, кто говорил правду. – Ничего со мной не будет. – Я только хотела спросить, тогда зачем нужна вся эта ахинея с парой и похищением, когда он продолжил: – Как с человеком, у которого вырывают сердце. С ним же тоже ничего не происходит.

Сглотнув, подавила желание сказать что-то утешающее или хотя бы обнадеживающее. Не та ситуация.

Человек не тот.

И не человек совсем, к тому же.

Но, очевидно, что-то все же проявилось в моем запахе, потому что Владислав начал глубже зарываться носом в ворот одеяла, сильнее вдыхая мой аромат и легко улыбаясь.

– Почему я? Почему из всех дебютанток Ведьминого дня ты выбрал именно меня?

– Мне трудно ответить, Вита, – чуть прикрыв глаза, ответил Бравый. – Потому что ты сияла как маленькая звездочка, затмевая собой всех остальных? А может, дело в запахе – смеси яблок, меда и солнца? Не знаю. Но посмотрев на тебя однажды, глаз отвести я уже не мог. Смешно, правда?

– Что? – не поняла я, слегка завороченная его голосом и смыслом слов.

– Что из всей толпы девушек мне в пару была уготована та, которая боится меня как... Ну не огня, в твоей ситуации это как-то неправильно... – пробормотал Владислав. – Как посланника Смерти-Эрешкигаль.

– А то, что эта девушка уже занята и была вполне счастлива с любимым человеком – тебя не смущает? – вкрадчиво осведомилась я, чувствуя, как на глаза набегает предательские слезы.

Андрей, он борется до последнего, даже сюда приехал, чтобы меня забрать. А я сижу на руках у его врага, пусть с боем, но отвечаю на его ласки и поцелуи, вместо того, чтобы спалить к чертям весь дом вместе с этим Вожаком и драпать с низкого старта.

– Поверь, малышка, это как раз поправимо, – улыбнулся вервольф, и я вновь поняла, что забыла, с кем говорю – с животным. По крайней мере, наполовину точно. – Проблема в другом. – Вопросительно задрала брови. – В стае.

– Да, я знала, что она у тебя слегка... ку-ку. Но что поделать? – философски вздохнула. – Каков Вожак, такова и стая. Грустно, но факт...

Брюнет опасно сузил глаза.

– Издеваешься, Виточка? – И столько угрозы в голосе. Не опасной, но... чересчур интимной, что ли? – Тогда давай я тебе кое-что объясню.

Неуловимое для глаза движение, мой утонувший в одеяле вскрик, и спина коснулась кровати, а сверху навис довольно-таки злой волчара, постепенно приближая свое лицо к моему и явно наслаждаясь произведенным эффектом. Полагаю, в данный момент мои глаза были такой ширины, что ими вполне можно было пользоваться, как боковыми зеркалами «Волги».

– Спасибо, не стоит, – поспешно открестилась я, автоматически начиная ерзать под его весом.

– Не дергайся, Вита! – как-то переменявшись в лице, прошипел оборотень. – А теперь слушай внимательно и не перебивай. Я – Вожак, и мой авторитет, как ни прискорбно, сейчас во многом зависит от тебя и твоего поведения со мной. Ты – женщина, для вервольфов – самка, и твое дело подчиняться Вожаку. *Молча*. Не кричать, не брыкаться, а кивать и улыбаться, если ты не хочешь, чтобы на очередном поединке за право занимать свое место меня убили. Я понимаю, что тебе это только на руку – по твоим мыслям – однако подумай на досуге вот о чем: я – твой единственный гарант безопасности на этой территории. Не будет меня – и тебя разорвут либо женщины стаи за то, что покусилась на меня, либо мужчины – за право обладания тобой. Но поскольку ты им откажешь, ведь у тебя же есть твой чудно чудесный Андрей, – и столько сарказма, главное, в голосе, – что исход один – тебя разорвут за отказ и собственное унижение. Все понятно, или что-то повторить на пальцах?

Я пришибленно сжалась, понимая его правоту. По всем пунктам. Да во всем, если быть уж до конца откровенной, и сегодняшней вер, который едва не убил меня – тому прямое доказательство.

Владислав опять оказался на два шага впереди, продумав все до мелочей.

И от этого стало еще обиднее.

Но, тем не менее, мне оставалось лишь кивнуть, что я и сделала.

– Умница, – ласково промурлыкали в ушко, и я в который раз сравнила его с огромным котом.

– Теперь мне можно уйти? – просипела я, чувствуя, как вес, что до этого мужчина удерживал на руках, начинает расти, а лицо его – приближаться.

– Нет. Нужно закрепить полученные сведенья, – ехидно ухмыльнулся вервольф. – Так сказать, провести тест-драйв.

Интуиция и девичья честь, почуяв, что на нее сейчас будут покушаться самым серьезным образом, завопили что есть мочи.

От быстрого поцелуя в губы я под действием адреналина успела уклониться, и в итоге сухие и горячие губы мужчины коснулись шеи, какой-то странно чувствительной в этот момент. По телу пробежали мурашки, и я невольно зажмурилась до разноцветных кругов перед глазами.

Крепкие пальцы обхватили подбородок и заставили повернуть голову к нему.

– Посмотри на меня, – четко и резко бросил Бравый. Я и не подумала подчиниться. – Посмотри, иначе накажу за неповиновение. И плохую память.

Распахнула глаза, успев заметить саркастическую улыбку на тонких губах. А потом они с каким-то устрашающим голодом набросились на мои.

Он целовал меня и при этом безотрывно смотрел в глаза, словно пытался выжечь во мне собственное лицо, оставить в памяти навсегда, чтобы даже мысли не возникло сопротивляться и уходить. Владислав не спрашивал разрешения, он уверенно брал то, что считал своим. Деспотично завоевывая новую территорию, он не давал мне и шанса на посторонние мысли.

Их и не было, в общем-то.

В какой-то момент остались только черные из-за расширившегося зрачка глаза, алчные губы и теплые руки, обнимающие дрожащее тело. Вовсе не от холода дрожащее...

Острые зубы куснули мочки, и стон вырвался непроизвольно, а потом, вместе с переплетенными в один клубок болью и удовольствием, пришло осознание. *Что я делаю.*

И с кем.

Изменщица. Мерзкая, грязная изменщица!..

Мужчина о моих терзаниях даже не догадывался, с тихим вздохом принявшись самым подробным образом изучать открытую вырезом платья кожу на ключицах. Я всхлипнула, сама не зная – от чего, но собрала волю в кулак и с силой надавила ему на плечи, пытаясь хотя бы привлечь к себе внимание. На «оттолкнуть» я даже не надеялась.

Но, видимо, я была слишком увлекательным предметом для исследования, поэтому моих попыток попросту не заметили. Или не захотели замечать.

– Владислав... – На выдохе это получилось совсем не так, как звучало в мыслях. – Остановись... Остановись, Бравый!

Резкое движение головы вверх, и желтые глаза вперились в мои. Но мне было слишком противно от себя самой, чтобы реагировать еще и на его злость.

– Твоя верность восхищает, – глухо и хрипло выдавил из себя мужчина, отстраняясь. – И в столь же равной степени – бесит.

Он молниеносно поднялся и протянул мне руку помощи. Воспользовалась ей, привычно полагаясь на воспитанность джентльмена. *Дура.* Забыла снова, с кем дело имею.

Меня, как безвольную куклу, крепко прижали к себе, вдыхая запах волос, после чего быстро поцеловали и почти выставили из комнаты.

Откровенно говоря, я была не против.

ГЛАВА 4.

Рефлекторно облизнув губы, я тихо вздохнула, а затем, резко опомнившись, неистово начала тереть их подолом платья, словно желая начисто соскрести с себя ощущение недавних поцелуев.

Чертов волк!

Такими темпами он сделает из меня или мазохистку, или извращенку... Нахождение в его доме, его обществе сильно влияло на меня, заставляя переоценивать свои взгляды, свои принципы, свои чувства...

От последней догадки меня тряхнуло, словно от попавшего в цель электрического заряда.
Нет. Вовсе нет! Совсем нет!

Совершенно точно и абсолютно.

Нет?..

Мне не хотелось допускать даже мысли о том, что мое отношение к оборотню стремительно менялось с крайне агрессивного до просто враждебного, а порой и – будь он трижды проклят! – до *немного* дружелюбного. Я стала больше дерзить, а мой страх перед ним поубавился, хотя о том, чтобы чувствовать себя спокойно в его присутствии, не было и речи.

От предательских размышлений стало жарко. Быстро преодолев расстояние до массивных окон, не с первой попытки, но все же смогла распахнуть настежь ставни. В лицо ударил прохладный полуденный ветер, остудив накал чувств. Уперев руки в подоконник, чуть свесилась вниз, разглядывая пейзаж. Большой периметр, высокий забор, вдоль которого расхаживала охрана, центральные ворота, а с другой стороны...

Прищурившись, разглядела неприметную калитку, что затерялась на фоне пышных деревьев. От калитки шла тоненькая тропка, уходящая в лес, виднеющийся в полукилометре от особняка. Темный, страшный, густой лес.

Через который, наверняка, должна проходить автомагистраль, убежденно проговорило второе Я, которое почему-то сейчас звучало баритоном Андрея.

Взгляд вновь вернулся к калитке и, как по ленте, проскользил по дорожке, снова устремляясь к темнеющим елям. Фыркнув, вернулась к кровати, упав на спину, и прикрыла глаза. Против воли в голове воскресли воспоминания последних дней.

В голове всплыло спокойное лицо и глаза, вззирающие на меня снисходительно и даже как-то надменно.

«Сейчас не происходит ничего такого, о чем я не предупреждал вчера. Если бы ты дала себе труд подумать над моими словами, эти действия стали бы для тебя закономерны и очевидны».

Он меня похитил.

«Сейчас я открою дверь с твоей стороны, предложу тебе руку, ты ее примешь без возражений и также под руку пройдешь со мной в дом. Идешь и улыбаешься. Хорошо?»

Принуждал, подавляя волю.

«Срок, установленный Братством, на который оборотень может похитить ведьму на законных основаниях – два месяца... И вот тебе условие, золотце: ты молчишь, улыбаешься и говоришь прилюдно, что согласна на мой маленький экспромт... А я за это умолчу о том, что Зарницкий кидается запрещенными проклятьями, как игрушками в песочнице. Смекаешь?»

Шантажировал, играя на слабостях.

«Назови по имени...»

«Владислав...»

Использовал. («И плевать, что порой ты была совсем не против!») – вновь влез внутренний советчик.)

Резко распахнув глаза, рывком села, вновь устремляя взгляд к окну.

До калитки, там по тропинке в лес, через него до трассы и на любой попутке в город.

Я больше не могу, *я не хочу* оставаться здесь. Если расскажу, что, находясь на чужой территории в качестве гостя, я была подвергнута смертельной опасности, то Андрея оправдают за запрещенные заклания. Ковен магов легко сможет расценить это, как попытку защиты и освобождения, а двухмесячный срок будет снят.

Выдохнув, я резко сжала похолодевшие ладони. Сбежать от тех, кто слышит, видит, чувствует и двигается в десятки раз лучше любого мага – задача не из легких, но и я ведь не такая уж слабая ведьма, черт возьми!

Пора об этом вспомнить, *наконец!*

Первое, о чем следовало подумать – маскировка. В поисках ее я и перерыла все вещи, которые были в шкафу, и все-таки нашла свою сумку, с которой меня положили в больницу. Обрадовавшись ей как родной, с упоением в нее закопалась, вытряхивая на свет блокнот, кошелек, тени, туш, помаду, расческу, зеркальце, пудру, запасную пару капроновых колготок, пилочку, журнал, ручку, карандаш, транспортир и – я уж и не надеялась! – несколько амулетов.

Для создания иллюзии, для одномоментной силы, для пятиминутной остановки времени и разряженный, а потому не годный – амулет связи по крови. С Андреем. Но теперь он (в смысле амулет, а не жених) бесполезен.

Что делать?..

Подумать я не успела. Только бросила амулеты в сумку, и дверь распахнулась, являя хозяина дома собственной персоной. Оглядев меня, сидящую на полу в куче всякой мелочи, столь необходимой любой женщине, мужчина чуть нахмурился, не иначе как инстинктом собственника учуяв подвох.

– Чем ты тут занимаешься?

– Подводку для глаз ищу... – состроив грустную рожицу, протянула я. – Не найду никак. Так обидно... Почти новая была!..

Почти?.. Хм, а это мысль!

Владислав приподнял бровь и опустил глаза, где около его ног валялась тонкая палочка черной подводки. Как удачно она, однако, туда закатилась! Подняв, протянул мне.

– Нашлась. – Я потянулась за ней, но в последний момент вер отодвинул руку. – А награда?

– Спасибо, – мило улыбнулась я, старательно прогоняя из мыслей проклятье острого поно... экстренного освобождения желудка. – Очень выручил.

Подводка перекочевала ко мне, но вервольф не преминул пройтись пальцами по моей руке. Неоднозначно среагировав на это прикосновение, я лишь опустила глаза.

– Я пришел сказать, что обед будет в три часа. В столовой. Не опаздывай.

Кивнув, снова улыбнулась. Мужчина помедлил, явно пытаясь отвести взгляд от меня, сидящей на полу, фактически у его ног. Осознав всю ситуацию, я предпочла проглотить мерзкое чувство собственной слабости.

После чего Бравый вышел, оставив наедине со своим воистину гениальным планом.

Крупная бирюза из амулета для связи была безжалостно выломана выданным из стены гвоздем. Долгосрочные амулеты такой сложности могли делать только артефакторы, но проклятийники, как и все маги других направлений, проходили основы этого предмета. А потому я не без оснований надеялась на успех.

Подержав камень в ладонях, согревая своим теплом и понемногу вливая в него собственный резерв, взяла амулет иллюзий. Все тот же гвоздь сделал маленькую царапинку на железной вязи, и плетение заклинания разомкнулось. Теперь это был обычный кругляш, из которого можно было лепить что угодно.

Я и слепила. Прочертив на железе пять дополнительных линий, получила рисунок начальной пентаграммы. При помощи огня выжгла в нужных местах руны нового заклятья и приплавил бирюзу в центр, как проводник. С трудом, но изготовила вполне пристойный амулет абсолютной невидимости, скрывающий звуки и даже запахи.

Но – увы – действующий всего лишь пять минут максимум. Пять минут – слишком мало даже для того, чтобы просто выбежать из дома, мне же нужно будет делать это тихо, а значит – медленно. Плюс защита, которая кольцом замыкалась вокруг дома. Ее следовало убрать, чтобы она не подняла тревогу, или хуже того – не изжарила меня зарядом тока, как какого-нибудь воришку.

Но основную проблему составляло даже не все обозначенное выше. А здоровенный, чертовски умный оборотень, обмануть которого мне пока удалось только раз, и то – по мелочи. Неплохо было бы его вырубить, но даже чисто физически это не представлялось возможным. К тому же, вдруг я перестараюсь и проломлю ему череп? Оправдывайся потом перед Братством, что просто амулет бракованный попался, а вовсе не ты наглого волчару на тот свет вознамерилась отправить...

Нужно что-то такое безболезненное, но верное и надежное. Типа яда.

Или снотворного.

На натуральной основе. Такой, чтобы вервольф не почувствовал привкуса магии и ничего не заподозрил.

Точно!

Я с таким энтузиазмом вывесилась в окно, что чуть в него не вывалилась, пытаюсь рассмотреть, что там растет внизу, в огороде этого пчеловода, уважающего мяско с кровушкой и девок кровь с молоком.

Папоротник, вешун-трава, огневица, одуванчики, иван-чай, иван-да-марья, волчья трава и волчья же ягода. На лицо выползла воистину дьявольская ухмылка. По отдельности эти травки не представляли угрозы для могучего и во всех смыслах устрашающего Бравого, но если знать пропорции и дозировку...

«Настоящая ведьма из любой пакости под ногами способна создать отраву, от которой даже мертвяки будут повторнодохнуть табунами!» – говаривала наша Марья Сидоровна, преподавательница травологии и «отравоварения», как за глаза называли ее предмет все юные магические дарования. Вредная старуха была – ужас, мы часто думали в свое время, что она так долго живет, ибо ее выкинули из Иркаллы – все семь судей не вытерпели столь мерзкий характер, но знания бабулька давала – как кремень. Захочешь – не забудешь.

Кто ж знал, что однажды я буду молиться на нее, хотя экзамен лично мне пришлось пересдавать аж восемь раз...

Передернув плечами от жуткого воспоминания, телекинезом перетащила в комнату пару листиков с иван-чая, волчьей травы, ягоды и огневицы. Старалась не касаться и сразу же запихнула под подушку.

Дальше пришлось наступать на горло себе и своей совести, ибо мне требовалось красиво выглядеть, потому что только красивая внешность поможет отвлечь внимание вера от того, что ему явно не понравится в последствии. Вещи же, которые были в сумке из больницы, располагали разве что к работам в поле. Повздыхав над нелегкой судьбинушкой, шагнула к шкафу, распахивая его одним решительным движением, чтобы не было возможности передумать.

Одежда, аккуратно висящая на вешалках, в большинстве своем была импортной и очень дорогой. Просто баснословно дорогущей, если сказать совсем уж по правде. Тряпки не могли стоить тех денег, которые за них наверняка отвалил Бравый. Впрочем, это его деньги, а бухгалтером к нему я не нанималась. Хочет выкидывать свои кровные на ветер – вперед, могу даже вентилятор включить в помощь.

И лишь приглядевшись к цвету, я поняла, что волк не просто умен. Он кошмарно, катастрофически гениален, ибо за сутки времени изучить меня столь подробно...

Одежда была преимущественно темных, благородных оттенков. Именно тех, что я предпочитала в гардеробе. Лишь пара вещей были светлыми, но не яркими, без каких-либо раздражающих глаз узоров типа горошка и мелких цветочков.

Заметив пару этикеток, с облегчением поняла, что вещи – новые.

Перебирая вешалки, выделила два платья: облегающее бардовое и темно-синее с юбкой-лилией до колен. Постояв пару минут, взяла цвета ночного неба. Алое же... Оставлю его до ужина.

А потом нарядилась, приклеила на лицо улыбку и пошла брать крепость под именем Владислав Бравый штурмом.

Думал, похитил, запугал, угрожал, и я буду тихой, мирной и послушной?! Гитлер тоже так думал. И где он теперь?

Вот и мы еще повоюем!

Платье создавало ощущение абсолютной раздетости, хотя доходило аж до колен. Каблуки, на которых я горделиво цокала в сторону первого этажа, заставляли ежиться от воспроизводимого звука. У подножия лестницы меня ожидал сам хозяин дома, и, когда его голова повернулась, я было готова признать, что весь этот чертов цирк с переодеваниями того стоил. Взгляд мужчины бегло скользнул по мне, после чего он отвернулся. Не узнал с непривычки.

Я усмехнулась.

А Владислав молниеносно повернулся ко мне, замер, и его глаза намертво приклеились к моему лицу, все достоинства которого в данный момент были умело подчеркнуты макияжем. Затем Бравый опустил глаза ниже, я буквально физически ощущала, как его взгляд поглаживает все изгибы моей фигуры, словно видя её насквозь, невзирая на платье. Словно не глазами смотрел, а руками... трогал.

Вздыхнув, я сделала ещё один шаг от бедра и пустила в ход свой главный, но на сегодня далеко не последний козырь: ослепительно улыбнулась, протягивая руку.

– Добрый день, Владислав. Что у нас на обед?

Ой, какая я молодец. От голоса, которым обычно я уговаривала Андрея на что-нибудь безрассудное, вервольф вздохнул глубже и с видимым усилием вернул глаза на уровень лица. Моя ладошка тут же оказалась в объятьях двух других – больших, теплых и слегка шершавых. К ней бережно прикоснулись губами, а потом он перевернул ручку и...

Я возмущенно ахнула, с трудом удержав шипение в себе, и вырвалась из захвата. Прикосновение горячего, влажного языка на нежной и какой-то сверхчувствительной коже запястья почти жгло.

– Добрый, Виточка. – Мое негодование словно бы вернуло ему прежнее самообладание, и красивые губы раздвинула вызывающая улыбка. – Признаться, вы настолько потрясающе выглядите, что я поражен.

– То есть обычно я ужасно выгляжу, верно? – подняла я бровь, опасаясь принимать предложенный локоть.

Оборотень слегка тормознул, отчего я улыбнулась шире, уже увереннее продолжая спуск.

– Я не это хотел сказать, – так предсказуемо оправдался мужчина.

Хохотнув про себя, я развернулась к нему лицом, находясь на две ступеньки ниже. То есть в очень выгодном для себя и весьма жестоком – для него положении. Сверху, как известно, вид-то лучше.

– Да?

Расчет себя оправдал, и Бравый явно пропустил вопрос мимо ушей, полностью погруженный в глубины... ну, допустим, мироздания.

– Значит, я всегда ужасно выгляжу? – осведомилась я, чувствуя, что еще пара секунд – и буду хохотать уже в открытую.

– Да... – рассеянно сказал вер, после чего моргнул, тряхнул головой и осмысленно посмотрел мне в глаза. – Что, прости?

– Вы уже ответили, – изображая оскорблённую невинность, хмыкнула я, отворачиваясь и направляясь в столовую, где суетилась прислуга.

Ему хватило трех шагов, чтобы нагнать меня и заступить дорогу.

– Вита, я прошу прощения, я... ты... – На моей памяти это был первый случай, когда Бравый не находился с ответом. – Ты играешь нечестно! – закончил он возмущенно, но как-то слишком довольно.

Хорошо ему, налюбовался – и радуется.

– А ты? – дернула я бровью, намекая на вящее и постоянно демонстрируемое превосходство в скорости, силе и органах чувств.

– Мне можно, – предельно осторожно уставляя ладони у меня на талии – он думает, я не замечу, что ли?! – усмехнулся оборотень.

– Дискриминация по гендерному признаку?

– Нет. По расовому.

Надменно фыркнув, я со значением поглядела на руки, уже крепко и собственнически обхватившие середину туловища. Вервольф сделал вид, что не понимает намеков, и повел меня к столу.

Он был великолепно, идеально сервирован. Белая скатерть слепила немногим меньше начищенных до блеска столовых приборов. Уж не платина ли, если учитывать волчью непереносимость серебра?

Закуски, салаты, несколько видов первого и второго, по четыре вида каждого прибора, по три бокала на человека... Я почувствовала себя на приеме Континентального Ковена³. Какой Тьмы он так выпендривается?!

Мне придвинули стул, сами сели на главенствующее за столом место, по левую руку от меня.

– Красное, белое?

Глянув на в основе своей мясные блюда, ответила:

– Красное.

Рубиновая жидкость полилась в бокал, и отчего-то в ее густом, насыщенном, как кровь, цвете мне почудился дурной знак. Нервы или ведьминская интуиция?

Нет. Планы я в любом случае менять не собираюсь.

– За прекраснейшую из дам мира Иных! – ослепительно улыбнувшись, поднял бокал Владислав.

Я согласно кивнула, лишь пригубив вино и напоминая себе, что должна искренне проникнуться обстановкой, чтобы вер не заподозрил фальши. А он уже в комнате что-то почуял. Необходимо было стараться лучше.

Разрезая мясо по-французски на мелкие кусочки, я, глубоко вздохнув и собравшись с духом, произнесла:

– Мне кажется, мы неправильно начали.

Думаю, если бы я вылила ему на голову настой огонь-травы, сжигающий любую органическую ткань за пару секунд, эффект и то был бы не таким оглушительным.

³ Все органы мира Тьмы формируются по признаку силы и избранности. Так, Ковен города составляют по три старейших и могущественнейших представителя от каждой стихии (земля, воздух, огонь, вода, металл, некромантия). Из них отбирают шестерку сильнейших – в Ковен области. Оттуда – шестерку в Ковен страны. И далее шестерку в Ковен Континента. Последней и высшей ступенью является Совет Братства – общий орган Мира Тьмы.

Бравый на мгновение замер, а потом подозрительно посмотрел на меня, все также глядящую в свою тарелку с видом кроткой монашки. Правда, знающие люди поняли бы, что я неспроста стала тыкать вилкой так, словно там не мясо лежало, а тараканы ползали.

Проклятые нервы! Надо было успокоительного заклинания накинуть... Штук пять разом.

– И что ты предлагаешь? – справившись с собой и триумфом, буквально сквозившем в каждом звуке, спросил вервольф.

– Начать с нуля. Мы взрослые, цивилизованные люди, Владислав. – Хорошо, что сочинять красивые истории я начала еще в детстве. – Мы могли бы попробовать вести себя подobaющим образом.

– Могли бы, – эхом отозвался оборотень, задумчиво крутя в руке нож. – Вот только мне больше нравится быть – как ты сказала? Ах да. «Безнравственным, грубым, неотесанным животным». Да. Вот это по мне.

Туше.

Меня же носом в мое же... кхм... негодование.

– Ты должен понять: я была зла, растеряна и уязвлена. По правде говоря, сейчас мало что поменялось, но теперь я осознаю, что выхода, кроме как попытаться наладить контакт с тобой, нет. – Полуправда, дабы убедить его в собственной искренности. – Я предлагаю тебе худой мир, который, как известно, лучше доброй войны.

Худой и, если баснословно повезет, весьма недолгосрочный мир.

Темные глаза неоднозначно прищурились. Вне всяких сомнений, он что-то заподозрил. Он не поверил мне ни на секунду.

Но Владислав Бравый отчаянно *хотел* поверить.

Иначе бы не стал кивать.

– И ты не станешь сопротивляться? – спросил мужчина.

Чтоб тебя голодные упыри в ближайшем враге подрали!..

– Если только мне будет неприятно.

Максимально обтекаемый ответ, на который вообще была способна прямолинейная, скорая на расправу и совершенно не оправдывающая своей фамилии Виталина Добровольская.

Тонкие губы растянулись в усмешке, и я была уверена, что в его голове прозвучало что-то вроде: «Клянусь, что тебе будет приятно всегда!»

– По рукам, – кивнул Владислав. И протянул мне ладонь. – Скрепим договор?

– Как? – против воли уперлась я.

– Ты обещала не сопротивляться, – напомнил он, предвкушающе улыбаясь.

Зараза блохастая!

И протянула свою руку в ответ. Дура.

Ее мгновенно взяли в плен и сильно потянули на себя. Хотела бы я иметь отсоединяющиеся конечности, ибо так пришлось следовать за ней, если не желала лишиться насовсем. Бравый заставил наклониться, сам подался вперед, и вот уже горячие, алчно-жадные губы накрывают мои.

Тьма милосердная, дай сил не опьянеть от привкуса вина и не поддаться взбунтовавшимся гормонам!

И сейчас я как никогда ярко поняла, что ни одна из Пяти Матерей меня просто не слышит. Сколько у Них таких глупых девочек, которых пытаются соблазнить взрослые, опытные, убийственно-обаятельные мужчины-оборотни? Сотни, если не тысячи. Каждой не поможешь. А у меня наверняка еще не самая худшая ситуация.

Я почти потеряла голову, сама поднявшись и шагнув к его стулу, остро ощущая большие ладони, скользящие по спине вниз.

Но Великая Намму все-таки услышала свою непутевую дочь.

Неосторожное движение локтем, и бокал с красной жидкостью полетел со стола... прямо на брюки пожилого плоды победы Владислава.

– О, я такая неаккуратная!.. – Спасибо тебе, Мать, я ведь почти поддалась! – Прости, пожалуйста, я...

– Это всего лишь ткань, Вита, – спокойно произнес мужчина, очень нежно улыбаясь и глядя на меня снизу-вверх. – Ничего смертельного.

«Смертельного...» Хм.

Это отрезвило, и я поняла, что разбившийся бокал – двойное попадание. И от окончательного падения спас, и повод хороший подкинул.

– Все равно – мне очень неловко и... – Я замялась – вполне натурально, к слову. – В качестве извинений примешь ужин, приготовленный мною лично?

Бравый только кивнул, но ладонь с моей щеки так и не убрал.

А я не стала отпираться. Рано еще.

Закуски, салатики, все это занимало слишком мало моих мыслей. Я больше думала о том, как незаметно подлить снотворное, которое, к слову, еще нужно было изготовить.

Рассеянно шинкуя помидорку, я вдруг четко ощутила, что не одна на огромной кухне, откуда ушли повар и поварята.

– Седые волосы мне не к лицу будут, – улыбнулась я через силу, оборачиваясь.

Владислав стоял, прислонившись плечом к косяку двери и сложив руки на груди. Его лицо было абсолютно непроницаемым, но я почему-то вновь почувствовала себя кроликом, загнанным в угол матерым хищником.

Но, к своей гордости, даже не пошевелилась, когда оборотень начал приближаться, и только отвернулась обратно к нарезке, чтобы на эмоциях палец себе не оттяпать.

– Что ты делаешь? – послышалось любопытное и совсем не страшное над ухом, а по обе стороны от меня на столешницу опустились две большие ладони.

– Просто нарезка... Люблю свежие овощи, – пожалала я плечами, как бы случайно перекрывая доступ к шее. И бросила короткий взгляд на его лицо. – Ты не мог бы нарезать мясо? Мне... силы не хватает.

Вот то, что я успела уяснить – для него я слабая и беспомощная, и чем чаще я буду это показывать, тем сильнее в нем будет инстинкт защитника и тем ниже – уровень подозрительности. Именно то, что надо.

Мужчина просто кивнул и шагнул в сторону, где в высокой плоской лежал кус свежего, уже почти размороженного мяса. Наблюдая, как ловко и легко он нарезает его, невольно залюбовалась, а потом...

– Это правда, что оборотни едят мясо с кровью?

Темные глаза, что обратились ко мне, чуть прищурились. Какое-то время он молчал, но после все же кивнул:

– Да. Когда повреждения чересчур серьезны, и вервольф не может сам восстановиться. Тогда помогает животный белок и чужая кровь. – Владислав вдруг нагнулся, оказываясь со мной на одном уровне и почти вплотную к моему лицу. – Так что не бойся, я не буду откусывать тебе руку или что-нибудь еще. Хотя очень хочется порой покусать тебя... за непокорность.

Покусать?.. За непокорность?! Меня?!!

На разделочной доске остался черный выжженный отпечаток моей ладони. Нечисть поberi этого волчару!

Которого мое молчаливое возмущение лишь развеселило. Однако от комментариев он, хвала Тьме, воздержался и лишь поставил передо мной все ту же плоскую, только с уже нарезанным мясом. Я сделала вид, что его здесь вообще нет (в смысле вера, а не бифштексов), и принялась за кулинарию.

Пока мяско шкварчало на сковороде, я готовила соус. С непроницаемым лицом сыпнула на килограмм, наверное, больше специй, чем нужно. Сзади послышалось покашливание, недвусмысленно намекающее, что я явно перебарщиваю, но злая ведьма и бровью не повела, добавляя туда же масла и красное вино из на три четверти пустой бутылки.

Когда все это было почти готово, я решила, что пора.

В задумчивости посмотрела бутылку на свет, чуть взболтала. Тяжело вздохнула и все-таки повернулась к оборотню, который все это время стоял у меня за спиной. Лицо у него было довольное и какое-то даже предвкушающее, что ли.

– Думаю, к ужину нам потребуется вино, – почти дружелюбно произнесла я.

– Что, неужели дуться перестала? – в притворном удивлении приподнял брови вервольф.

– Я бы на твоём месте сейчас бежала в винный погреб и выбирала бутылку подревнее, – игнорируя его сарказм, отозвалась я, вытирая руки полотенцем.

– Зачем это? – якобы абсолютно без намека спросил мужчина, делая шаг в мою сторону.

– Сегодня будет самый особенный ужин в твоём доме.

Если не сказать – в твоей жизни.

И ведь ни словом не солгала. Вряд ли хоть одна женщина, побывавшая в этих стенах, мечтала скоммуниздить отсюда как можно скорее. Они, наверное, наоборот – руками и ногами упирались, дабы подольше здесь остаться.

– Обещаешь? – Ко мне стали так недвусмысленно наклоняться.

– Гарантирую. – И чтобы на лицо не выползла хитрая ухмылка, сама приподнялась на носочки.

К своей чести, Владислав возможностью пользоваться не стал – ограничился быстрым поцелуем и ушел.

А я начала действовать.

В неглубокую миску полилось немного масла, туда же, щелчком пальцев доставленные из-под подушки, посыпались три листика иван-чая, еще три – волчьей травы, пять – огневицы и четыре волчьи ягоды. Первое и третье – как основа для снотворного, второе и четвертое – как ингибитор для метаболизма оборотней, чтобы отравка действовала дольше, а я смогла уйти дальше.

Все перетереть деревянным пестом, чтобы травки дали сок. Быстро переложить пару ломтиков мяса на тарелку, щедро полить соусом... и вылить туда добрую половину темно-желтой выжимки. Понюхать. Соус пах уже не так, поэтому я покрошила рядом – словно украшение – пару листиков базилика. Вонючая специя заглушила вообще какой бы то ни было запах.

Загрузила свою тарелку, знаком отличия украсив все теми же помидорками. Миску, пест и остатки травы уничтожила синим магическим огнем, а воздух очистила таким ударным заклинанием, что после меня на кухне остался только запах стерильности, всегда ассоциирующийся с больницей. Поставила тарелки на поднос и пошла в комнату – переодеваться.

Пока еще рано было расслабляться. Моя битва только-только началась.

Темно-бардовое платье, обтягивающее, как перчатка, сидело как влитое. Подчеркивало и словно обнажало каждый изгиб и складочку на теле. Никогда я еще не чувствовала себя такой... Такой взрослой и опасной. Для того, кто не был моим врагом, но и другом однозначно стать не согласится.

Высокие каблукы, макияж, подвитые раскаленными пальцами локоны и оставленные свободно лежать на плечах – наверное, я действительно была очень красивой, но сама этого не замечала – нервничала с каждой секундой все сильнее.

А если снотворное не сработает? Что, если я вдруг не решусь? Или – что еще хуже – не захочу уходить?! Оборотень с присущим ему животным магнетизмом и дьявольским обаянием вполне мог заставить меня передумать...

Зло тряхнула головой. Андрей не простит мне этого.

Я сама себя не прощу.

Поэтому решительно вышла из комнаты, напоминая себе, что снотворное уже в еде и деваться мне некуда.

Владислав стоял у подножия лестницы в красивом костюме и поднял голову точно в тот момент, когда я появилась из арки коридора. Темные глаза блеснули, и мужчина улыбнулся, начиная быстро подниматься ко мне. Я же пошла вниз.

Мы встретились где-то на середине лестницы. Я – искренне смущенная его взглядом, и он – откровенно восхищенный. Именно поэтому, наверное, я даже не подумала сопротивляться, когда большая рука оказалась на шее и деспотичным жестом притянула к себе.

Мне вдруг резко стало не хватать воздуха, и я опустила руки ему на плечи в поисках поддержки. Ноги отчего-то не держали. Мне охотно оказали помощь, обвинив талию и прижав еще ближе. Мужские губы жарко и алчно подчиняли, завоевывали и уверенно обосновывались на захваченной территории, не давая и шанса на раздумья.

И в конечном итоге он своего добился – я отвечала. Отвечала не потому, что выбора не было. А потому, что... *хотелось* ответить.

Но стоило осознать это, как все волшебство и огонь в крови тут же пропали.

– Пожалуйста... – вырвалось у меня нечто, очень похожее на всхлип.

Бравый, стоящий на две ступени ниже, рвано выдохнул, но отодвинулся и на пару секунд прислонился к моей шее лбом, глубоко втягивая мой запах.

– Ты... все еще нечестно играешь.

– Каков привет – таков ответ, – хмыкнула я, стараясь взять себя в руки.

Мужчина согласно фыркнул и выпрямился, подавая мне руку. Помощь была принята, после чего меня сопроводили вниз. Я указала ему на стул, а сама направилась на кухню за подносом. Все было так же, как я оставила, поэтому обратно в столовую я возвращалась с довольной и натуральной улыбкой. Поставив перед мужчиной его порцию и заботливо придвинув поближе миски с салатиками и закусками, вздохнула, подпирая голову рукой.

– Все в порядке? – спросил Владислав, внимательно глянув на меня и наливая в бокал то самое вино, которое столь тщательно выбирал.

– Да. Просто... ведьмы всегда остро воспринимают волшебство.

– Волшебство? – приподнял он бровь, явно намекая на то, что происходило на лестнице.

– Иван Купала, – срезала я его довольную ухмылочку.

– Но это языческий праздник. К тому же, прошедший – как и Ведьмин день.

– Сказал оборотень, входящий в потусторонний мир Иных. – Я улыбнулась, всю используя данное природой обаяние, но в глубине души ощущая от этого гадостный, гнилостный душок. – Любое почитание наших Матерей – мощный выплеск энергии в общий фон, такое не проходит за пару часов. Остаток висит в воздухе еще добрую неделю. Ты разве не чувствуешь?

– Оборотни несколько иначе почитают Мать свою Нинисину, – хмыкнул будущий Вожак. И на лицо его выползла такая порочная ухмылка, что мне захотелось в него чем-то бросить. – Но я уверен, ты знаешь. Маги – и особенно магички – весьма часто присоединяются к нам в этот Праздник. Жаль, тебя не было в этот раз – он проходил с небывалым размахом. Так что да, мы чувствуем Ее... благословение, но по-другому.

Я только фыркнула. Другим местом, он хотел сказать.

Вервольфы – и любые оборачивающиеся в животную шкуру – чествовали Исцеление-Нинисину 22 июня, в день, когда лето достигало своей вершины – как и любая сила жизни. А оборотни прославляли свою Мать через то, что, по их мнению, является первым этапом новой жизни – зачатие. Или, по-простому, массовые оргии! У мохнатых считалось, что дети, зачатые именно в этот день, обладают особой милостью Богини.

На деле же это просто развратное гульбище, в котором, к слову, могли участвовать все желающие. Помнится, Марина очень звала меня на Праздник в этом году... Великая Намму уберегла, не иначе.

Ненадолго, впрочем.

– Что ж, спорить не буду. В любом случае моей обворожительной ведьме виднее, – галантно уступил вервольф, истолковав мое молчание по-своему и поднимая бокал. – За тебя.

– Опять? – кокетливо удивилась я.

– Всегда.

Хрустальный звон прозвучал как-то неожиданно грустно и словно... зловеще. Я непроизвольно нахмурилась, вновь почуяв дурной знак, и это не прошло мимо Бравого.

Поэтому он решил приободрить меня, начав вкушать произведение рук моих. Я непроизвольно прикипела к этому зрелищу взглядом. Мое внимание Владислав списал на желание узнать его реакцию на свою стряпню, что было верно лишь на одну двадцатую.

– Очень вкусно! – прожевав кусочек, похвалил он. – Соус такой... хм... необычный.

С большим трудом я удержала на лице веселую улыбку. Знал бы ты всю его необычность, поди бы так не расхваливал.

– Это рецепт бабушки, – слегка смущенно улыбнулась я.

Ага, той самой, которой я восемь раз отравоварение пересдавала. Но ведь бабушки же!

И чтобы не вызывать подозрений, сама принялась за еду. Если хочу всю ночь блуждать по лесу и трассе, понадобятся силы. Оборотень, видимо, тоже проголодался, хотя, подозреваю, его аппетит имел несколько иное направление. Мясом, думается мне, он заедал то, что как раз хорошо просматривалось с его места.

Между едой мы разговаривали, и в какой-то момент я поняла, что вот так – просто сидеть и болтать с ним – интересно, легко и приятно. Когда он не показывает свою истинную натуру вредного, циничного, деспотичного и жестокого тирана-Вожака.

Только проблема в том, что натура эта – его неотъемлемая часть. И от нее – никуда не деться.

Адреналин, подкрепленный алкоголем, делал свое дело: я становилась все более смелой и раскрепощенной, Бравый – только второе, ибо в первом не нуждался. Я все чаще смеялась, он – придвигался все ближе, сначала изредка прикасался, а потом просто не убирал руку с талии. И в какой-то момент мужчина в очередной раз наклонился ко мне, а я не посчитала нужным отворачиваться.

Именно сейчас, когда пахнувшие вином губы прикоснулись к моим, я поняла, что притворяюсь. Очень талантливо и раскованно притворяюсь, потому что тот бокал, который я даже не осушила до конца, выветрился в одну секунду.

Но я осознала и другое.

Мне *нравилось* это притворство.

Наверное, потому, что притворством оно было лишь *отчасти*.

Я обманывала, являясь настоящей.

Однако то, что меня подняли на руки, я не уловила. Лестница, коридор и его комната, где он опустил на край кровати, оставляя мою тушку у себя на коленях. Губы перекочевали вниз, на шею, оттуда на ключицы, немного прикрытые платьем. Я охнула, выныривая из какого-то мутного омота собственных ощущений, и мои пальцы зарылись в густые волосы.

– Вита... – хрипло вырвалось у мужчины, когда я, безупречно играя свою роль, расстегнула пиджак, сбрасывая с могучих плеч уже ненужную ткань, и откровенно прижалась к нему.

Так, как *только* к Андрею прижималась.

– Молчи! – зло из-за собственных мыслей прошипела я, и белая рубашка коротко полыхнула сине-красным пламенем, оставляя на вервольфе лишь рваное рубище.

Горячие пальцы нетерпеливо забрались под платье, сжимая бедра, и я лишь прикусила губу, чтобы не отстраниться и удержать рвущийся наружу всхлип, который провоцировали прикосновения его губ к плечам и груди прямо сквозь платье.

– Вита... Вита... Моя Вита... – как заведенный шептал Бравый, утыкаясь лицом мне в живот и замирая.

Пора.

Грубо толкнув его плечи, я всем весом налегла на него, роняя на спину. Вервольф удивленно вздохнул и уже хотел перевернуться, подмяв меня под себя, но это не входило в мои планы. Поэтому я только зашипела, захватывая его лицо в плен и впиваясь ногтями в кожу сзади шеи. Темные глаза расширились в ответ на жадный поцелуй, но в них я углядела то, что нужно – серую поволоку действующего снотворного.

Три...

Все тело мужчины покрылось мелкой испариной, но рук он не опустил, собственнически сжимая то, что у меня пониже поясицы.

Два...

Тихий стон, переходящий в голодный рык, когда я, поддаваясь адреналину и какому-то животному безумию, сильно укусила его в шею.

Один...

Он тянется за мной, часто моргая, не понимая, почему вдруг стало так жарко и расплывчато, а я в последней ласке провожу рукой по гладко выбритой щеке.

Ноль.

Его ладонь медленно обвела контур женского тела. Тонкий бардовый атлас был ничтожной, бесполезной преградой между его руками и ее хрупким станом. Брюнетка подняла на оборотня затуманенный взгляд. Пожалуй, ему не стоило допускать такого исхода событий, не стоило позволять ей пить один бокал вина, не стоило вообще позволять пить, не стоило...

Мысль прервалась, когда тонкие руки обвили мощную шею, а прохладные, влажные губки скользнули вдоль бешено стучащей артерии. Сейчас, стоя перед ним на баснословных шпильках, она была лишь на десять сантиметров ниже и легко могла позволить себе вытворять с ним то, что вытворяла прямо...

Глухой рык сорвался с его губ прежде, чем он осознал это, а руки, решившие жить своей жизнью, инстинктивно сжали осиную талию, настойчиво сползая вниз и сминая в кулаках чертово платье. Над ухом, опалемым горячим дыханием, раздался злорадный смешок, а мочку, которую до этого неистово пытали женские зубки, аккуратно лизнули.

И будь он проклят, если совет или слухавит, но ни одна женщина, с которой ему доводилось спать, не возбуждала его настолько, как эта чертова...

– Ведьма... – Хриплый, низкий голос разрезал тишину гостиной, а она захохотала, впиваясь затуманенным темным взглядом в его лицо.

– Ну же, Бравый! Не будь нюней, назови меня по имени!

«По имени, Виточка, назови меня по имени».

В плотке заклокотало рычание, а соображать, когда к тебе прижимается второй с половиной размер, становилось все труднее и труднее. Не сказать, что мужчины был ярым сторонником воздержания и целомудрия, но с ней он хотел чего-то особенного, чего-то нежного и чувственного, чего-то, о чем ей потом не придется жалеть. И это «что-то» – явно не открытое совращение его нежной натуры посреди гостиной после чертового ужина.

Брюнетка отступила на шаг, а мужчина как приклеенный смотрел за действиями этой чертовки, понимая, что в ее руках бьется его сердце, а еще признаваясь себе в том, что становится мазохистом, ибо ее открытые провокации доставляли ему несравненное удовольствие.

Бледные руки прошлись по бедрам, а затем, словно в замедленной съемке, тонкие пальцы напряглись, на кончиках их колыхнулось синее пламя, а в следующее мгновение обрывки проклятого платья валялись на полу, и, будь он проклят, это меньшее из того, что его сейчас интересовало. В брюках стало до одури тесно, Бравый инстинктивно сглотнул, с жадой путника в пустыне рассматривая ведьму.

Его ведьму.

Святая сила, она была в кружеве. Черном, шелковом кружеве, сквозь которое прекрасно просматривалась высокая, полная грудь. В штанах стало еще большее, а в низу живота словно завязали тугой узел. Она стояла здесь. Перед ним. В одном кружеве из Франции и гигантских шпильках.

– Тут что-то... – Рука зашла за спину, откуда раздался провокационный шелчок, мгновенно вырубивший добрую часть контроля над собой и собственным зверем. – Как-то... – Шелковые бретельки скользнули с хрупких плечиков, а сам лиф теперь балансировал между тонких пальцев, провокационно подкидывавших его в воздухе. – Жарко...

И всё.

Все барьеры и уговоры о нежности и постепенности смела волна вождления. Мгновенно оказавшись рядом, он бешено впился в ее губы, срывая первый стон с этих желанных, как грех, губ и переплетая их языки в бешеном танце. Брюнетка не сразу сдалась напору, с энтузиазмом отвечая на его ласки, одна ее рука скользнула вниз, опускаясь на горящий адским огнем пах, после чего несильно надавила.

Рык вырвался сам собой, разрывая поцелуй, а ее губы тут же исказились в шкодливой усмешке. Окинув тяжело дышащего оборотня провокационным взглядом, ведьма как бы невзначай прошла рукой от шеи к бедрам, задумчиво поднимая глаза к потолку.

– Как много на Вас лишнего, господин Преемник...

Он заткнул ее очередным поцелуем, в одно движение срывая с себя рубашку, подхватив чертовку под ягодицы и сжав их, отчего огневичка выгнулась, подобно дикой кошке, и повалил на диван. Белый. Кожаный.

Не отрываясь от его губ, брюнетка скользнула руками к пряжке, медленно, мучительно медленно, расстегивая ремень, а затем и пуговку ширинки. Его затрясло. Черт возьми, никого и никогда он не хотел так сильно, как эту проклятую проклятийницу.

Сильные руки исследовали ее тело, поглаживая внутреннюю сторону бедер, стройный животик и мстительно не трогая то, что ниже. Наклонившись, оборотень взял в рот розовую горошину, поигрывая с ним языком. Девушка ахнула, после резко приподнялась, впиваясь зубами ему в плечо и срывая с его губ довольный рык, а ловкие пальчики в одночасье освободили из плена горячую плоть. Нижним бельем Бравый предпочел пренебречь и...

Как в воду глядел.

Положив руку, ведьма медленно провела рукой по всей длине, вырывая у мужчины стон, а затем резким движением перекатилась вправо. Рухнув с дивана, они с грохотом оказались на полу, а Добровольская по-королевски восседала на его животе. Руки оборотня приросли к ее бедрам, нетерпеливо отодвигая трусики, пальцы скользнули между нежных, мокрых складочек, аккуратно проникая в жаркое лоно. Ведьма вскрикнула, резко склоняясь к нему и впиваясь в губы. Ее мелко потряхивало от ярких, новых ощущений.

– Я... хочу... тебя, Бравый! – Голос сорвался на крик, когда он вновь пошевелил пальцами внутри нее, а затем, не убирая рук, перевернул ее на спину, оказываясь сверху.

– По имени, Виточка. – Не голос, скорее рычание, с оскаленными в улыбке победителя клыками.

– Вла-а-а-ад! – Крик слился с бешеным рыком и толчком, которым он грубо вошел в нее, разрывая девственную плеву.

Она – его.

Навечно.

Навсегда.

Самым проблемным оказалось не спуститься вниз при помощи левитации, которая без сбоев ночью работала лишь у некромантов, не пройти незамеченной мимо патруля, стоящего у главных ворот, а открыть калитку. Чертову калитку, высотой едва ли достигающей полуметра.

И на которой замыкался охранный и сторожевой контур.

Мне нужна была руна-ключ, либо... Я, до этого провозившаяся секунд тридцать с отмычкой, лихорадочно заозиралась, ища столбик ограды, в который вплавляли заклинание контура. И спустя еще пятнадцать секунд – нашла. Третий слева почти незаметно, если не знать, что ищешь, мерцал, ярче других отражая нарождающуюся Луну.

Пятисекундное заклинание стазиса, на время которого застыло все в радиусе километра, и когда я шарахнула в основу охранки обычным, раскаленным до бела фаерболом. Железо оплавилось, круг – разомкнулся, и я уже без сомнений толкнула калитку от себя, чтобы сразу же пуститься бежать. Хорошо хоть переодеться додумалась.

Дом уже даже не просматривался сквозь густые заросли ельника, когда я остановилась перевести дух. В легких словно развели кузнечный горн, а сердце грохотало так, что я собственного дыхания не слышала. Оперлась руками в колени, стараясь максимально быстро отдышаться – неизвестно, насколько хватит снотворного, с вервольфами вообще все ненадежно и сугубо индивидуально, поэтому отсиживаться здесь всю ночь я просто не могла. Не после всего, что я сделала, дабы сюда попасть.

Выпрямилась и глубоко вдохнула свежий воздух свободы, когда глаза встретились с немигающими желтыми точками с узким, вертикальным зрачком, светящимися на фоне черного леса. И словно по команде – вокруг зажглось еще с полсотни таких же.

Не умертвия и не зомби. Упырь или – что еще хуже – вурдалак, которого не просто трудно убить из-за высокого интеллекта, но и который выживает – стаями.

Я едва удержалась, чтобы не треснуть себя по лбу. Потому что только абсолютно тупая дура забудет, что мелкая нечисть очень часто кучкуется рядом с ареалом обитания крупной. Вервольфы большинством представителей семейства вурдалачьих считались всего лишь более организованными собратьями.

Класс.

И когда первая тварь выскочила на худо-бедно освещаемую лунным светом полянку, уверяя меня в правильности собственных выводов про упырей, я встряхнула руками, разжигая адово пламя.

Я распахнул глаза, приподнимаясь на локтях. Тишину комнаты разрывало мое хриплое, надрывное дыхание. Влажное тело горело огнем, возбуждение, что невооруженным взглядом проглядывалось сквозь ткань брюк, не способствовало улучшению ощущений. Скользя рукой по влажным волосам, уставился в стеклянную рамку на стене, которая прекрасно отражала горящие золотом глаза оборотня с пульсирующим вертикальным зрачком.

Сон. Это всего лишь чертов сон. Спровоцированный проклятым алым платьем...

Тряхнув головой, резко поднялся с кровати, направляясь прямиков в душ. Ибо ничто другое все равно не поспособствовало бы уменьшению напряжения. К моменту моего пробуждения Виты уже не было, что было в каком-то смысле на руку, потому как прослыть помимо «грязного, жестокого животного», еще и озабоченным извращенцем в ее глазах мне как-то не хотелось.

Скинув одежду, встал под мощные струи воды, которые хлестко били по горячей коже. Голова начала медленно трезветь, а тело расслабляться.

Подумать только, насколько разной может быть эта ведьма. Дикой, неприступной, мило-сердной, пугливой, словно лань, и страстной, горячей, необузданной, словно пламень. Пожалуй, она соответствует своей стихии как нельзя лучше. Ее непокорность, гордость, что стальным прутом темнеет в глубине души, не позволяя кому бы то ни было согнуть магичку.

Мою магичку.

Тепло разлилось по сердцу, а волк внутри заурчал, довольно сощурился глаза.

Мысли вновь вернулись к сегодняшнему ужину, приготовленному ее ручками. Начинает казаться, что с ее подачи даже яд будет воспринят, как сладкий нектар. От такой дурманящей и не свойственной мне мысли в голове что-то шелкнуло, включив мгновенно разум, а зверь настороженно подобрался.

«Погодите-ка...»

А с чего я вообще уснул? Перед внутренним взором калейдоскопом понеслись воспоминания.

Вот она ненавязчиво спрашивает о наличии лишней бутылочки вина для какого-то там соуса к мясу, поддавшись мальчишескому желанию, провозился в погребе с четверть часа, желая впечатлить Виталину, возвращение, ужин и пустые разговоры, спальня, поцелуи, от которых она не только не отпиралась, но и начинала сама.

Волк зарычал, оскалившись, а руки до хруста сжали керамические вентили в душевой, кроша их в пальцах.

«Ты болван, Влад!»

Кретин, если быть точнее, подсказало второе Я, и фраза эта сквозила иронией, а звучала мелодичным, высоким, до боли в зубах знакомым голосом.

Ее голосом.

«Вита!..»

По пути схватив полотенце, мгновенно оказался напротив ее комнаты, не брезгуя использовать сверхчеловеческую скорость. Сжав зубы и уповая на то, что она все-таки на такое неспособна, постучал. Со второго раза стук стал настырнее, а с третьего – едва не проломил дубовую дверь.

Распахнутая створка показала пустую, погруженную во мрак комнату. Застеленная кровать, на которой бесформенным нечто валялось алое платье, туфли, брошенные в углу, пропавшая сумка с ее скромными пожитками и раскрытое настежь окно. Белые, полупрозрачные занавески колыхались на ветру.

Одним движением раскрошив косяк двери, втянул в себя воздух, улавливая едва заметный аромат этой паршивки. Давненько уже, видать, проветривается... Из горла вырвался вой, перешедший в яростный рык. Переместившись к окну, уставился на периметр участка. В глаза мгновенно бросилась калитка, с виду закрытая, но звериное зрение легко позволяло узреть отсутствие наброшенной щеколды. И развороченный, оплавленный до основания столб с основой заклинания контура.

Знакомый низкий голос, раздавшийся от входа вернул к реальности. Развернувшись, вперился взгляд в Левого.

– Что случилось, Влад?

– А ты не видишь, Вик? – Голосом мое утробное рычание назвать было трудно, да и не зачем, брат прекрасно понимал и так. – Она сбежала!

Втянув в себя воздух, подобно тому, как это делал ранее я сам, Виктор осмотрел комнату, пока меня начинало все больше и больше трясти. Ей-богу, если при встрече я не откручу ей голову, то меня можно смело называть самым сдержанным представителем моего вида.

– Комнату она покинула около получаса назад, куда она могла направиться? Ей вряд ли бы удалось покинуть территорию незамеченной.

У меня против воли выползли когти.

– Она ведьма, придурок, отчаявшаяся ведьма! Присмотрись, она вскрыла калитку, и, пока мы тут сопли размазываем, либо уже прибежит к своему землянику, либо ее разорвет на части какая-нибудь нечисть в лесу!

– Ну так начни действовать! – оскалился в ответ Левый, оборачиваясь и выскакивая прямо в окно, чтобы уже через секунду оказаться у злополучной калитки.

На четырех ногах всяко быстрее, чем на двух.

Повторив маневр брата, на ходу обернулся в волка, стремительно нагоняя Виктора. В десяток гигантских скачков мы оказались в лесу, после чего разделились.

В этот раз, Вита, ты *действительно* меня довела!

Ветки звучно ломались под лапами, но сейчас вопрос о бесшумности движения волновал меньше всего. Повернув морду вправо, я замер от почудившегося запаха, смешенного с какой-то воистину загробной вонью. Рысью направился по шлейфу зловония и спустя несколько томительных минут, за которые я мысленно успел уже раз пять искушать этой непослушной тупоголовой девице все выпуклости ее фигуры, выскочил на поросшую мхом поляну, окруженную сухостоем.

«Твою мать, Вита...»

Других слов в голове не осталось совершенно.

Отскакивая все дальше и дальше от темных сгустков надвигающихся упырей, ведьма по мере сил отбивалась от противника. Они встали полукругом, загоняя ближе и ближе к сухим, но крепким дебрям, из которых девчонка бы точно не вылезла живой.

Вита пустила в ближайших к ней упырей волну пламени, красные языки, к концу становящиеся синими, просвистели мимо, по большей части попадая в деревья и мох и поджигая лишь трех или четырех тварей. Тяжело дыша, брюнетка отступила еще на шаг, и кольцо вокруг нее замкнулось.

Я присел, напружинивая лапы, собираясь в прыжке вцепиться в глотку ближайшего к ней упыря, как вдруг поляну озарила вспышка пламени, а ведьма покрылась им, как второй кожей. Волосы неистово развивались, а глаза злобно оглядывали когда-то мертвецов.

Она пропустила через себя очередную волну энергии. Вернее сказать, попыталась это сделать. Ближайший к ней труп резко прыгнул вперед, обхватывая ведьму и швыряя на землю, заклинание огня мгновенно исчезло, открывая бледную кожу в ссадинах и синяках. Утробно зарывав, бросился к ней, действуя на инстинктах и злобе. Если не выпущу хотя бы часть своей ярости сейчас, то точно сверну ей пустую голову.

Отшвырнув мертвечину в ствол дерева, навис над полулежащей девушкой, чуть приседая и накрывая ее своим телом, и зарычал, окидывая взглядом обидчиков.

Вот сейчас мы поохочем.

Бросаясь вперед, разрывая очередного немертвого клыками и заодно ломая другому шею мощным ударом лапы, услышал надрывное:

– Владислав!..

Вот только чего было в этом крике больше – отчаяния или облегчения – понять было затруднительно.

На меня накатил очередной приступ злобы. Сама сбежала, вляпалась черт знает куда, а я теперь виноват, что отыскал ее обворожительный зад в проклятой чашобе!

Бабы...

Кинувшись вперед, разорвал еще двоих, краем глаза замечая, что, пошатываясь, Вита-таки приняла вертикальное положение, а ее ладони обьяло не такое яркое, как раньше, пламя.

Погеройствовать вздумала!

Рык вырвался сам собой, а твари лезли словно из ниоткуда. Стараясь не подпускать никого близко к ведьме, рвал их на части. Отскочив в сторону от особо страждущего, чуть не

подставился под лапищи выскочившей нежити. В последний момент перед глазами промелькнула знакомая тень, отшвыривая от меня неприятеля.

Позади раздался шумный вздох, отчего челюсти свело судорогой. Как мы Левого-то любим, как мы ему радуемся-то, аж плюнуть хочется! Прижавшись друг к другу, отбиваться стало легче, но их количественное превосходство было жирным минусом для нас. Сосредоточившись на брате, послал ему образ, формируя приказ о дальнейших действиях, и тут же получил ответ.

Резко развернувшись, доверяя Виктору спину, в один скачок оказался возле напряженной, словно сжатая пружина, ведьмы. Ну давай, прояви чудеса телепатии! Толкнув ее носом в живот, развернулся боком, давая понять, что единственным правильным решением сейчас является стратегическое отступление на безопасное расстояние. С секунду просверлив меня взглядом, брюнетка потушила ладони, кладя одну руку мне на холку и попыталась перекинуть через мой корпус ногу, как вдруг вздрогнула, зашипев. Отлично, ее ранили.

Утробно зарычав, уставился ей в глаза, мотнув головой, мол, меньше слов, больше дела.

Попытка снова не увенчалась успехом, магичка попыталась подпрыгнуть, чтобы в воздухе закинуть ногу, в результате чего приземлилась мне на лапу, вызвав ожидаемую реакцию. Сцепив зубы, титаническим усилием воли гася в себе желание придушить ее на месте, медленно опустился на покрытую мхом землю, ложась на лапы.

«Я отыграюсь, видит Тьма, я за все отыграюсь, Виточка. Потомки до седьмого колена помнят будут, что нельзя перечить Владиславу Бравому!»

Услышав рев Виктора и почувствовав на спине вес ведьмы, мгновенно вскочил, резво бросаясь сквозь тернии глубже в чащу, через пару секунд отметил мелькающую за деревьями тень брата, что скоро исчезла. Он уведет их по ложному пути, спутав следы, и даст нам время добраться домой.

Пробежав рысью около полутора километров, сбавил темп, а затем пошел шагом. Мы решили, что Вик поведет их по большому кругу к болоту, а я, сделав крюк, по длинной тропинке вернусь к поместью.

Предвкушающе оскалился, скосив глаза на молчаливую пассажирку. Эту выволочку ты до конца дней своих в кошмарах вспоминать будешь... Пусть она будет считать меня конченным тираном и шарахаться, как от чумы, зато и с места без разрешения уже сдвинуться не посмеет.

Она выплела из меня достаточно веревок.

Однако у кого-то телепатия все-таки присутствуют, видимо, не совсем дефектная, и сообщила, что я про себя что-то очень нехорошее для нее думаю. Но на месте я замер не от испуга, не от вырвавшейся откуда не возьмись твари... А от неслабого такого шлепка ладонью по тому, рядом с чем хвост растет!

Все. Хватит. *Доигралась*, дура.

Резко встряхнувшись, я сбросил ее со спины. Оскалившись и медленно наступая на всхлипнувшую от боли магичку, зарычал, недвусмысленно давая понять, что вляпалась ты, детка, просто по самое не балуйся!

Но тут что-то изменилось. Инстинкт завопил тикать, но я же не обычная шавка... Хотя от ярко вспыхнувшей синим, почти чернильного цвета пламенем ведьмы все же отшатнулся.

– Не смей! Не вздумай даже рычать на меня, ты – наглое, вшивое, беспардонное животное! Думаешь, самый грозный здесь?! Думаешь, я буду молчать и подчиняться, опустив очи долу?! А фаерболом в морду ты не хочешь, гребанный ты Винни-Пух?!!

Осмелела?..

Ощерившись, медленно начал обходить ее по кругу. От брюнетки почти осязаемо веяло смесью боли, отчаяния и злобы, а еще через это амбре пробивался страх, который мы, такие отважные и, судя по всему, сильно бессмертные, пытались спрятать за этой бравадой.

Набрав повторно полную грудь воздуха, ведьма медленно встала, не убирая с тела огонь. – «Раз Я Вожак, то делай то, раз Я Вожак, то делай сё!» Я тебе что, кукла? Китайский болванчик?! Который вечно со всем согласен? – Наставив на меня палец, Виталина, пошатнувшись, шагнула вперед. – Я. Не. Одна. Из. Твоих. Готовых. На. Все. Подстилок. Бравый-чтоб-тебя-перекосило!

Рявкнула, припечатав, словно ругательство, мою фамилию. Оскалившись, рванул к руке, заставив брюнетку отскочить и грохнуться на землю. Пламень слегка притух, видимо, силенки у кого-то были не бесконечные.

– Хочешь, чтобы я вела себя нормально и не пыталась удрать при любой возможности, так изменись! Прекрати вести себя, как эгоцентричное чудовище! Ты же можешь быть хорошим, обаятельным и приятным, когда хочешь!

Против воли замер, наострив уши и чуть прищурившись. Это меня сейчас похвалили, предварительно с головой окунув в дерьмо?

Дыхание ведьмы стало частым, она уже не пыталась подняться с земли, а щиколотка ноги, алеющая багровыми царапинами, распухла и начала приобретать фиолетовый оттенок. Огонь потух, и она оперлась руками в колени, опуская голову.

Это что же, мы решили, что расплаты не будет? Низко урча, выражая все свое отношение к ее выкрутасам, подошел ближе, обнюхивая лодыжку.

Вывих собственной персоной.

Собравшись отстраниться, замер, уставившись на эту... эту... странную женщину. Вита вдруг придвинулась, упирая в меня лоб, как делают обычно маленькие дети, когда у них раскалывается голова.

– Постой так минуточку, ты такой теплый, мягкий...

А еще злой как Дьявол.

Резко боднув девчонку, отчего та зашипела, откидываясь назад, отскочил в сторону и, рявкнув, мотнул головой в сторону тропинки.

«Подъем, дорогуша, руки в ноги и до дома!»

– Чтоб ты облез, Бравый... Чертова псина...

А на душе так сразу легко стало, почти птички чирикают. Подожди, Виточка, это мы еще домой не вернулись...

Медленно потрусил вперед, но не смог удержаться и развернул одно ухо назад, улавливая малейшие звуки с ее стороны. Вот ведьма поднялась, пискнула и, шипя ругательства, частым гостем в которых было мое имя, медленно пошла вперед. Она старалась не хромать, но по разному звучанию шагов было прекрасно понятно, что удавалось ей это неважно.

И мне бы помочь... Вернее сказать, волк, что сейчас имел надо мной большую власть, нежели в человеческом облике, нетерпеливо заскулил, поджимая уши, чувствуя боль своей самки и желая облегчить ее, но человек лишь сильнее натянул поводок самоконтроля, приструнив зверя.

Она. Сама. Виновата.

Если бы она не сбежала, ничего бы этого не случилось, сидела бы сейчас в теплой постели и читала книгу или занималась чем-то более интересным в моем обществе. Мотнул головой, напоминая себе, что кара по ее душеньку еще впереди и не стоит забегать вперед.

Да. Очень суровая кара, Вита.

Лишь переступив порог огромного особняка, Бравый в волчьей шкуре коротко и зло рявкнул в пространство, подзывая... Виктора? Он уже вернулся?

– Да, хорошо, я понял, – кивнул мужчина, после чего шагнул к замершей девушке, очень неодобрительно глядя на нее.

– Я подобных взглядов ничем не заслужила! – рассерженно прошипела она, чем заставила волка, уже почти выбежавшего из дома, замереть на секунду и оскалиться.

Очень хотелось отвесить ему пинок для ускорения свободного вылета, но сдержалась. Как и всякая ведьма, она обладала весьма развитой интуицией. Как и любая девушка, она остро осознавала всю ярость Бравого и то, на кого она прольется. В любом случае. Как бы далеко не убежала.

Вот только штука в том, что теперь ей убежать не дадут.

О чем ярко свидетельствовал Левый, который, не слушая возражений и протестов, поднял ее на руки, отнес в комнату Владислава и запер на ключ. Не придумав ничего лучше, Добровольская прохромала к кровати и опустилась на порядком измятое покрывало, устало вытягивая здоровую ногу.

В глубине души она понимала, что не приди Бравый на помощь – и ее косточки, обглоданные и вылизанные до зеркального блеска, нашли бы на следующие утро на разных концах леса. Она действительно была виновата, однако и он – тоже далеко не ангел, деспотичный и самодовольный волчара!

Ключ повернулся в замке и вошел Вик с миской и горсткой эластичных бинтов. Когда раствор спирта попал на царапины, ведьма зашипела.

– Виктор, а нельзя ли поосторожнее?!

– Нельзя. Сама виновата. Нечего было дешевый фарс с побегом устраивать, – спокойно срезал вервольф. – Почему с последствиями твоей глупости должен разбираться мой брат и Вожак?

От такого поворота Вита даже фразой про фарс возмутиться забыла. Только сидела и иногда попискивала, когда становилось совсем уж невмоготу терпеть. После Вик быстро и снововисто зафиксировал вывих, пообещал, что к утру должно полегчать, достал из шкафа полотенце и мужской халат, посоветовал пойти смыть грязь, кровь и слизь и вышел, повернув в скважине ключ.

Что ей оставалось? Последовать указаниям, разумеется. Горячая вода приятно отдавалась в уставшем теле, а вот вид разломанных в хлам и словно бы сплюснутых вентилях наводил на нехорошие мысли.

В комнате по ее возвращении по-прежнему никого не было, поэтому девушке представилась чудесная возможность изучить логово будущего Вождя Бравого. Никаких фотографий, пара горшков с цветами, кровать, шкаф, стеллаж с книгами, кресло у камина. Все. Минимум мебели, минимум характеристики о владельце.

Когда ключ заскрипел в очередной раз, она даже не повернулась поначалу, а когда повернулась... Невольно еще и ладонью прикрылась, ибо Владислав был в чем мать родила.

– Я бы на твоём месте не смущался, а смотрел и привыкал, – холодно и как-то замогильно зло бросил мужчина, закрывая дверь, доставая полотенце и уходя в ванную.

Плохое предчувствие скрутило внутренности, и ведьма с ужасом ждала, когда же стихнет гул воды в соседней комнате. Так ждала, что пропустила все на свете.

Даже завернутого в полотенце Бравого, что возвышался над ней, стоя рядом с кроватью и уперев руки в бока. Темные глаза были опасно прищурены, иногда сверкая золотыми всполохами. С волос капала вода, прочерчивая дорожки по загорелой коже и сквозь кубики пресса уходя вниз, впитывалась в полотенце.

– Встань, – грубо приказал Вожак.

– Что? – просипела ошарашенная девушка.

– Мало того, что глупая, как сотня деревенских баб, так еще и глухая?! – прорычал Бравый и рывкнул: – Встань!

Она почла за лучшее просто исполнить... весьма требовательную просьбу. Мужчина же опустился на ее место и, ухватив за запястье, дернул на себя, одновременно подбивая ноги. Как итог – Виталина свалилась животом к нему на колени.

– Бравый!..

– Заткнись! – рыкнул оборотень, одной рукой задирая ее халат, а второй удерживая оба тонких запястья. – Видит Тьма, тебе лучше молчать!

– А то что? – опасливо, но все же дерзко поинтересовалась ведьма.

– А то я могу передумать! – гаркнул Владислав, одним движением разрывая то, что когда-то было бельем.

На какой-то миг он замер, а после, глухо рыкнув, с силой опустил ладонь ей на попу. Брюнетка взвизгнула и начала вырываться, но рука, держащая ее, сжалась сильнее, оставляя отметины, в то время как ее сестра вновь отвесила ей шлепок.

Звонкий, болезненный и очень унижительный!

– Это тебе за «вшивое, грубое, безнравственное животное»! – Удар. Девушка вскрикнула. – Это – за притворство и хитрость! – Шлепок чуть посильнее. – Это – за отраву в еду! – Еще сильнее, и ведьма затравленно пискнула, закусив губу. – Это – за побег! – Два подряд и в разы сильнее предыдущих. Кожа в месте ударов не просто горела, она словно плавилась, и из глаз брюнетки брызнули слезы. – Это – за все то, что имела наглость сказать мне в лесу! – Еще один.

Ей показалось, что все закончилось, и она тут же вскинулась, осыпая его голову проклятьями:

– Как ты смеешь, грязный волчара?! Я...

Хлесткий удар, от которого у нее вырвался уже самый настоящий вопль боли.

– А это – за неумение молчать, когда надо!

В следующее мгновение ее грубо перекинули на кровать, не заботясь тем, что приземлилась она как раз на отбитую попу и от этого взвыла как самый настоящий волк. А потом резко стало не до этого.

Бравый рванул пояс и одним движением распахнул халат, закрывающий наготу девушки. После осмотра одежды стало понятно, что она годится лишь в мусорку, куда и отправилась, и теперь на ней был только тонкий белый лиф, все равно открывающий горящему злобой и похотью взгляду слишком много. А если вспомнить, что и трусики пали жертвой чужого произвола...

Ведьма тут же потянулась закрыть все обратно, но кто бы пустил?... Владислав же словно не видел ничего, кроме нее, как-то медленно и угрожающе нависая над распростертой на постели девушкой. Темные человеческие глаза полностью стали золотыми, пугая пленницу еще больше, а рука держала оба ее запястья над головой.

– Пора отвечать за собственную глупость, Вита! Я отучу тебя перечить мне.

Сухие и горячие губы припали к пульсирующей жилке на шее и больно прикусили кожу, грубо втягивая ее в рот и оставляя саднящий след. Такими жалящими отметинами мужчина спустился к груди и прямо сквозь ткань укусил, вырывая у ведьмы вскрик. Он спускался все ниже, покусывая бока и живот, больно сдавливая бедра. Он не старался быть хоть сколько-нибудь бережным.

Владислав Бравый хотел, чтобы она осознала свою вину. Чтобы навсегда отучилась идти поперек его слова.

Такого стыда Виталина Добровольская не испытывала никогда в жизни. Он выпорол ее! Он оставил на ее коже отметины, которые пройдут еще нескоро и все это время будут напоминать о содеянном им! Он сейчас изнасилует ее, а она даже сопротивляться не может, скованная его рукой, словно кандалами!

Магии в теле осталось не больше, чем гордости, поэтому даже огонь призвать получалось так слабо, что мужчина провел по нему голой ладонью, и он потух. Словом, ни о каком желании, томлении, страсти говорить не приходилось.

Совершенно неудивительно, что проникновение его пальцев в сухую плоть оказалось столь болезненным.

Ведьма закусила губу так, что сама ощутила привкус крови. А вервольф поднялся к ее лицу, глядя в широко распахнутые темные глаза.

– Запомни это чувство, Вита. Когда больно, унижительно, страшно. Когда не хочется ничего, кроме как оказаться подальше. Когда мои руки вызывают дрожь не желания, а ужаса. Запомни. Ибо именно так я буду наказывать за неподчинение. Ясно?! – прошипел мужчина, сверкая золотом в глазах. – Впрочем, если забудешь, буду рад напомнить. Ты под арестом отныне. На этом все.

Длинные пальцы, силой которых она еще недавно восхищалась, вышли, даже этим причинив легкую боль, после чего ее вздернули чуть ли не за шкуру, протащили через коридор в ее комнату, швырнули на кровать и закрыли дверь на ключ.

Первым, что она увидела, были решетки на окнах. Свежеприваренные.

ГЛАВА 5.

Всю ночь я не сомкнула глаз. Сначала меня трясло от бешенства и стыда, потом я била и швыряла всё, что попадалось под горячую (буквально!) руку, а затем, рухнув на пол, разрыдалась, громко заявляя, как меня все достало.

Часам к четырем утра, когда небо начало светлеть, я уже исчерпала все эмоциональные ресурсы своего организма. Сидя на полу, гипнотизировала взглядом решётки. Ирод проклятый... Оперативно сработал, неужто сам варил? Какая честь-то... Своими белыми рученьками да для проклятушей ведьмы... Как не разорвало-то?

Стараясь не опираться на больную ногу, пропрыгала к сумке, покопавшись, выудила спортивные штаны и широкую футболку Андрея, навсегда зареклась прикоснуться к тряпкам, подаренным с барского плеча.

Натянув штаны и закутавшись в футболку, сразу почувствовала себя увереннее и приятнее. Упав на кровать, натянула по самый подбородок одеяло и, чувствуя тепло, мгновенно провалилась в сон, забывая о времени.

Продрав глаза спустя добрые десять часов, приподнялась на кровати, ероша рукой волосы.

Первое, что бросилось в глаза, был широкой поднос, стоящий на столе, накрытый металлическим куполом. А также раскрытые на проветривание окна. Потянувшись, прошлепала к столу, поднимая крышку. В нос ударил запах выпечки и жареного бекона. Проигнорировав заморские вкусы, взяла стакан воды, возвращая на место купол. Плюхнувшись на кровать, посербала жидкость, а после вновь провалилась в забытье.

Обед я пропустила, спрятавшись в душе. Сквозь шум воды смутно слышала хлопок двери, лязг подноса и повторный хлопок, а после осточертевший звук поворачиваемого ключа.

Выбравшись, заметила новый поднос, а окно закрыли. Не изменяя себе, поцедила водичку, внутренне крича от безделья. Хоть бы книгу дали, ироды...

Слоняясь по комнате час за часом, убила время до ужина. Когда в замке повернулся ключ, я сидела, закутавшись в одеяло, и считала, сколько сучков умещается на одном бревне.

В комнату зашёл Виктор... с очередной пайкой. Посверлив взглядом нетронутый обед и пустой стакан на тумбочке, вер нахмурился и поставил поднос прямо мне на колени, а затем, скрестив руки, уставился суровым взглядом:

– Ешь!

Серьёзно? Теперь даже в еде за меня решают?

Пренебрежительно фыркнув, встала, схватив поднос и выскочив в ванну, смысла это всё... к рыбкам. Под ошалелое лицо Бравого с грохотом водрузила поднос на стол и заняла свое законное место на перине, отвернувшись к стене. Проворчав что-то неразборчивое, оборотень забрал металлическое изделие и скрылся.

Я проснулась глубокой ночью от голода. Просто зверского такого. От нещадно и громко урчащего желудка, который, за неимением чего-то посерьезнее, начал переваривать сам себя. Перевернулась на другой бок и снова попыталась заснуть, но тут мой пищеварительный тракт выдал такую трель, что я почти расслышала хохот вшивого Бравого из своей комнаты.

Прошу прощения, но жрать хотелось немилосердно.

Мозг, подстегиваемый желудком и недополучающий полезных веществ уже вторые сутки, тут же придумал легкий, но – вне всякого сомнения! – коварный план. А именно: оплавить замок, сбегать на кухню и поесть, как человек.

Я честно старалась засунуть сей недостойный меня план как можно дальше, но чем глубже я его прятала, тем чаще и громче урчал желудок. Бросив попытки зажимать источник звука, откинула одеяло и, обув носки и прихрамывая, принялась за дело.

Синее пламя справилось с задачей быстро, оставив после себя лишь едва заметный едкий душок. Я еле успела поймать замок до того, как он с грохотом вывалился наружу. Открыла дверь, огляделась – пусто, и на цыпочках направилась вниз. Пару раз мне казалось, что за мной кто-то идет и прячется в темноте. Но поисковый импульс возвращался неизменным, и я продолжала свой путь.

На кухне было темно и пусто. Включать свет постеснялась, но после того, как я тут готовила отраву для все того же незабвенного Владислава, не к Тьме будь помянут – ориентировалась почти без проблем. Да, несколько раз налетела на острые углы стола, добавив к изувеченной ноге еще парочку синяков, но в целом добралась до святой святых благополучно и тихо.

Мурлыкая про себя какую-то песенку, я с упоением набирала сыр, сметанку, помидорки, зелень, колбаску и вяленое мяско. Подумала, взять, что ли, рыбки еще соленой? Взяла. Не обеднеет, чай, хозяин. Радостно выпрямилась, под завязку груженная провиантом, и тут включился свет.

Секундная резкая боль в глазах и одновременно мой взвизг, звук падения продуктов – в дверном проеме, явно сдерживая рвущийся наружу хохот, стоял никто иной как...

– Ночной дождь, Виточка? Неужто водичка и энергия Вселенной перестали тебя питать?

Я уже хотела выдать недостойную приличной дамы отповедь с весьма частным вкраплением сочных эпитетов, когда опустила глаза вниз и прямо-таки подавилась собственным возмущением.

В руке Преемник Вожака держал конкретно так обкусанный бутерброд с бужениной!

То есть мы... всего лишь разминувшись!

И еще мне что-то смеет говорить?! Хам!

С не читаемым выражением лица я посверлила взглядом излишне веселого упыря, которого все здесь почему-то называют красивым словосочетанием «будущий Вождь». Затем, отвернувшись, присела на колени и начала оперативно собирать упавшее добро, чтобы как можно скорее вновь испариться к себе в комнату и там, в полнейшем одиночестве, предаться полночному пиршеству.

Когда последняя бабайка была водружена поверх еще трех таких же, пирамидкой балансировавших на сгибе моего локтя, я выпрямилась и оказалась нос к носу с хозяином этой богдельни.

– Может, перекусим вместе? – И столько веселья в голосе, аж сладко до противоположного.

– Не может, – отрезала, разворачиваясь и обходя стол с другой стороны.

– Виточка у нас обиду затаила? – так же огибая препятствие и следуя за мной, развлекался волчара.

– Виточка еще теплит надежду угостить уважаемого Преемника еще более уважаемым в народе пургеном.

– Злая ты! – нисколько не обиделась эта скотина, приди лишай по его шкуру!

– Не мы такие, жизнь такая... – философски отметила, продолжая целенаправленно шагать в сторону лестницы.

Верхняя мисочка с овощами подозрительно накренилась и была близка к падению, если бы чья-то сердобольная рука не придержала ее в последний момент.

– Любовь – это помогать ей есть по ночам, – мило улыбаясь, проговорил Бравый, забирая у меня все запасы и разворачиваясь вновь в сторону кухни.

Глаз провокационно дернулся.

Соскучился, что ли, за двое-то суток?! Пропало личное развлечение?!

Но, просыпаясь сегодня в своей люкс-камере, я твердо решила, что неважно, что он вытворит или скажет. Отныне меня это совершенно не волнует. Буду бревном, камнем или бетонным столбом – без разницы. Тем, что не возьмешь ни одним подколом, короче.

Войдя на кухню с кирпичным выражением на физиономии, уселась на стул напротив волка. Ровно посередине между нами лежала гора бабаек, а Преемник сверлил меня саркастичным взглядом. Думает, что буду ерепениться? Наивный.

Пожав плечами, протянула ручки к палке колбасы и под медленно округляющиеся глаза Бравого откусила прямо от палки, полностью игнорируя нож или что-то подобное. Медленно жуя, сканировала глазами кухню, упорно игнорируя присутствие этого Содома и Гоморры в одном флаконе.

– А ничего такая колбаска. Шаришь ты все-таки в мяске. – Зыркнула на поперхнувшегося мужика, который явно не ожидал от такой воспитанной и приличной меня подобного «дворового наречия».

– Вит, ты как? – озаботился моим состоянием, чуть поддаваясь вперед.

Неужто решил, что в комнатке своей, от общественных масс удаленной, я где-то головушкой стукнулась, а теперь только последствия сказываются? Хмыкнув, прислушалась к своим ощущениям.

– Ой, да все шикарно. Выспалась, покупалась, сейчас вот кушаю. Руки-ноги вроде при мне. Пока, – выделила со значением. – А ты как?

Посмотрела на прищурившегося мужчину, которого мое такое панибратство настораживало.

– Тоже ничего... – медленно протянул этот ирод, не спуская с меня напряженного взгляда. – У тебя ничего не болит? Голова, может?

Ага, точно решил, что свихнулась на фоне крепкой порки. Представив, как буду трепать ему нервы, громко хрюкнула от смеха, вновь откусывая колбаски. Мечь мечью, а желудочек любименький беречь надобно.

– Ты знаешь – да. – Кивнула пару раз, закатывая глаза. – Только не голова. Попочка что-то разболелась... Видать, к дождю. Она у меня, знаешь, такая чувствительная! А еще запястья что-то ноют. Это, наверно, к разлуке?

Мужчина помрачнел, но это совершенно не подействовало. Толстый слой обиды на весь мир плотно перекрыл какой бы то ни было инстинкт самосохранения.

– То, что произошло, ты заслужила, – тихо проговорил Бравый, следя за моей реакцией.

Я же решила окончательно выбить его из колеи относительно меня, поэтому просто закивала, как китайский болванчик.

– Да, да, да, заслужила. Все заслужила. И покушение на жизнь, и постоянное принуждение, и угрозы, и шантаж, и по попе тоже заслужила за попытку вернуться к тому, кого люблю. – Попутно загибаю пальчики на свободной руке, а потом тяну ее к яблоку.

Взять фрукт мне не удалось, конечность перехватили. Чуть сжав холодные пальцы, мужчина наклонился еще ближе, перегибаясь через стол.

– Не убежала бы – не пережила бы все то, что... пережила.

– Обращался бы нормально – не сбежала бы, – в тон ему ответила я, смотря в темные глаза и... ничего не испытывая.

После дня голодовки и ночной истерии меня ничего не торкало. И это было хорошо в нынешней ситуации.

– С тобой плохо обращались?!

– Ага.

– Ви-та!

Саркастично приподняла бровь, намекая, что этот его рычащий приказной тон не действует. *Теперь нет.*

– Я не буду извиняться, если ты этого ждешь, – откинувшись назад на спинку стула и сложив руки на груди, отрезал Владислав. – Ты заслужила эту порку. Да, возможно, я перестарался, но в этом также виновата только ты. Ты меня довела, и ты за это получила. Точка.

– М-м-м, ну ясенько, – прошамкала я с набитым ртом. Колбаска и впрямь была хороша.

– Может, хватит? – спросил Бравый, пытаясь отобрать у меня угощение.

– Никто тебя не схватит, – отодвигая руку как можно дальше, наставительно изрекла я. – Ты манипулировал мной, запугивал, играл на том, кто мне дорог, и думаешь, что я, вся такая счастливая от того, что ты обратил на меня свое монаршее внимание, брошусь тебе на шею?

– Да? – ухмыльнулся будущий Вожак, сделав вид, что размышляет над этим вопросом.

– А тебя никогда не проклинали? Так, чтобы *навсегда*? – участливо поинтересовалась я.

– Вит, – перестав паясничать, устало вздохнул оборотень. – Я устал с тобой ругаться. Я понимаю, что тебя многое не устраивает, но попытайся понять, что я тебя не отпущу, пока не выйдет срок, потому что... *Мое!* И никому не позволено трогать то, что принадлежит мне!

– Ты, возможно, не заметил, но я тебе не принадлежу. Я не вещь. И я – *чужая*, – выделила голосом, – *невеста!* Пора бы уже это запомнить, понять, осознать, принять и отпустить, потому что тебе, Бравый, кроме шиша с маслом, ничего не светит!

И для пущей убедительности этот самый шиш продемонстрировала, подсунув его Вожаку под нос.

Щелкнув меня по протянутой во вражеском жесте конечности, мужчина потянулся за яблоком и, звучно его откусив, вновь посмотрел на меня.

А потом его глаза спустились чуть ниже, туда где была майка. Андреева майка. Темные глаза нехорошо прищурились. Эдак опасно и вызывающе.

– Вот знаешь, что, Виточка, я-то хоть в мяске разбираюсь, – рассудительно начал этот прохиндей местного разлива. – А вот ты ни в мужиках, ни в колбасе... Эх, вот не повезло-то по жизни...

И вздохнул так печально-печально, сокрушенно покачав головушкой.

А я подавилась. Просто забыла прожевать очередной кусочек, резко проглатывая всё, что было за щекой, а потому звучно закашлялась, пытаясь вдохнуть, и трясущейся рукой потянулась к стакану. На глаза накатили слезы.

– Ой, Виточка, тебя так растрогала моя пронизательность? – начал этот ирод, не взирая на мои потуги продохнуть, и встал из-за стола. – Или ты до слёз восхищена моим безграничным обаянием?

– Эгоизмом... – с присвистом прохрипела, заходясь кашлем, а потом одним «лёгким» хлопком весь воздух из меня вместе с колбасой вышибли.

– Альтруизмом? – картинно приставив ладонь к уху, переспросил волк.

Это стало последней каплей в бескрайнем бассейне моего терпения, отмеренного на сегодняшний день.

– Со слухом проблемы, Ладушка? – елеино пропела я, беря голос под контроль. – Так это старость, милейший, а никак не обаяние!

Бравый выпрямился, с надменным видом глядя на меня.

– *Вита*. – Тихо и явно предупреждающе.

– Что «Вита»? – фальшиво изумляюсь, поднимаясь со стула и вставая с ним нос к носу. – Возраст, Ладушка, никого не жалеет, берет всегда свое... А ты все туда же – оргии, вакханалии, девицы молоденькие, да чтобы кровь с молоком! Смотри, прихватит тебя в какой-нибудь по... положении неподходящем, что делать-то будешь? Такое позорище! Вожак Бравых вервольфов всю силу растерял – как военную, так и мужскую!

Вышеназванный зарычал, глаза сверкнули золотом. Я же и не дрогнула, лишь передернула его надменную физиономию.

– Вита! – рявкнул мужчина.

– «Вита!» – подражая мужскому басу, спародировала я, продолжая паясничать.

– Прекращай!

– «Прекращай!» – с хохотом перекинула я.

– Вот ты у меня допрыгаешься! – глухо рыкнул будущий Вожак, наступая.

– ...«допрыгаешься!»

И увернулась от шлепка по заднице. Хватит. Нахлестался уже. От души.

Мы оказались по обе стороны стола. Уверена, перемахнуть, а то и просто перевернуть мебель со своего пути оборотню труда не составит, но он держался, лишь продолжая прожигать меня злыми волчьими глазами.

– Что такое, Приемник?.. – издевательски уточнила я. – Не любим, когда нас передразнивают?

– Это очень по-детски, Вита, – прошипел Владислав, пригибаясь к столешнице, как зверь перед прыжком.

– ...«по-детски, Вита!»

Неуловимое движение мужской руки куда-то за спину, а в следующую секунду на меня плеснули... сиропом! Сладким клюквенным сиропом!

Я задохнулась лишь на мгновение, а потом... Кто сказал, что ведьмы – это добрые, отзывчивые создания?!

Плошка с мукой скакнула мне в руки, чтобы в следующее мгновение уже щедрой волной сыпануть все свое содержимое Бравому в лицо. Тот начал отплевываться, тереть глаза, пытаясь хоть что-то разглядеть, когда услышал мой демонический хохот. Под аккомпанемент заклинания «Цементный блок», сковывающее определенные части тела. И оставляющее жертву неподвижной почти пять минут.

Этого хватило, чтобы умыкнуть наполовину пустую бутылку с сиропом и, прихрамывая, кинуться в его комнату. Если мой расчет оправдается, господина без-пяти-минут-Вожака ждет большой сюрприз!

Знакомая до боли комната встретила меня темнотой, тишиной и распахнутыми настезь ставнями. То, что доктор прописал! Сейчас мы отучим нашего великолепного и всеми дамами любимого Владислава Бравого на чужих невест зариться!

Тоненькая струйка красной тягучей жидкости полилась по стене на землю, туда, где копошились день и ночь всякие усатенькие ползучие твари, любящие сладенькое. Типа муравьев и прочих букашек. Вот они-то мне и были нужны.

Пара капель на подоконник, еще несколько дорожкой до кровати, откинуть одеяло, провести такую же цепочку по простыни, потом под подушку, на которой более глубокая вмятина – на левой стороне оборотень спал чаще. Я смотрю, он вообще любитель налево сходить...

А после – ударная доза заклинания против запахов, комнату закрыть и убежать к себе в душ, прихватив полотенце и халат.

Даже сквозь шум льющейся воды я услышала, как шарахнула об стену распахнутая с пинка дверь. Бешеный. Чего так шуметь-то? Чай, не один в доме, все остальные – приличные вервольфы! – десятый сон видят, а он тут дверями хлопает. Беспредел.

Когда я, довольная пакостью и жизнью, раскрасневшаяся после душа, отмытая от противной сладости сиропа, вышла из ванной, то именно в этот момент Владислав решил, что пора.

Майка Андрея с громким треском размножилась методом деления!

Так и не одетый халат выпал из рук.

– Что ты сделал?.. – ошалело выдохнула я, чувствуя, как начали подкашиваться колени.

Лицо Бравого перекроилось в такую расстроенную физиономию, что – не видя я все своими глазами – искренне бы поверила в его раскаянье.

– Хотел в шкаф убрать, но... рука неожиданно дрогнула. – Печальную моську побитой собачки портили сверкающие злым торжеством и ехидством глаза.

Очень тянуло заплакать, потому что я еще помнила запах этой вещи, чьи куски сейчас валялись на полу. Но заплакать, значит, написать у себя на груди «Бравый, ты победил!»

Не дождешься, свинья блохастая!

На негнущихся ногах подошла, подобрала ошметки, осмотрела с деловым видом и заключила максимально спокойно:

– Не критично. Дело поправимо...

Мне даже закончить не дали!

За секунду два широких куска ткани были порваны еще на пару десятков кусочков помельче. Теперь уже точно ничего нельзя было исправить.

– Ой, ты знаешь, что-то прямо дрожат руки и дрожат... – эдак огорченно-расстроено-виновато покачал головой волчара. И с истинно дьявольской ухмылкой добавил: – От твоей красоты неземной, не иначе!

Я пыталась оставаться спокойной, но... Не получилось.

Резко пахнуло озоном, а в комнате стало на порядок светлее. От синего пламени на моих сжатых кулаках, надо полагать.

– Ты – больной ублюдок! Майка в чем провинилась?! В том, что Андрею принадлежала?! Им пахла?! – рявкнула я, титаническим усилием подавляя огонь. – Мне в чем теперь ходить?! У меня даже майки никакой нет, а к тому хламу в шкафу я не притронусь!

– Нет майки? – чуть приподнял бровь Владислав и...

У меня закончились слова. Цензурные.

Ибо его сиятельство воистину царским жестом стянуло майку с себя и с барского плеча мне ее пожаловало, нацепив прямо поверх полотенца, в которое я была завернута.

И следовало бы возмутиться, но...

Ткань была мягкой, теплой и – что греха таить – приятно пахнущей. Не порошком, одеколоном или чем-то еще. А самим оборотнем.

Тьма пресвятая и претемная, как же я ненавижу его, ты бы знала!

– Помочь снять полотенце? – с живейшим интересом спросил вер.

– Обойдусь, – буркнула недовольно.

– Тогда, если все вопросы ночного дозора решены, позволь откланяться, – галантно поклонившись и заставляя меня бороться с искушением треснуть его по темечку... да хоть вот этой милой чугунной лампой, дружелюбно произнес Бравый.

– Позволяю, – милостиво разрешила моя светлость.

И метнула в удаляющуюся спину легкие сонные чары. Так, чисто по доброте душевной. А ну как насекомых боится?..

Очень на это надеюсь.

Наверное, я просто отключилась, потому что подскочила от рева. Дикого, бешеного рева, который сотряс окна и дом на уровне фундамента.

На лицо выползла широченная такая, недостойная приличной леди ухмылка.

Впрочем, она быстро увяла. А именно – от вновь распахнувшейся двери. Вот мне чисто любопытно, он вообще в курсе – зачем двери в домах ставят? Чтобы всякие тут не шастали, как так и надо, по чужим комнатам!

Владислав был зол. Нет. Он был в ярости. Предрассветное небо и освещение только подчеркивали это, делая лицо оборотня каким-то жестким и... покусанным?! Быстро исчезающие, но, очевидно, весьма болезненные красненькие пятнышки по всему телу, начиная от лица и уходя по резинку штанов, говорили сами за себя.

Хе-хе, в этом вряд ли виновато утро. Скорее уж...

Подлетев к моей кровати, Бравый вздернул меня за шкирку, как котенка, перекинул через плечо и на предельной скорости метнулся прочь. Мимо сплошным полотном мельк-

нули стены коридора, лестница, холл, улица, качели и неизвестная территория, на которой я до этого не была. А потом...

Всплеск!

Вода мгновенно залилась в распахнутый от взвизга рот, в уши и нос, заставляя инстинктивно заработать руками, чтобы вновь оказаться на воздухе.

Вода?..

Вода!

– Влад... – Я в отчаянном стремлении вздохнуть вновь ушла под воду. – Влад...

– Только не говори... – услышала между погружениями и борьбой за жизнь, – ...не умеешь!

– Да!!!

– А, чтоб тебя! – рыкнули с берега. И... никаких попыток меня спасти не последовало! – Ты побултыхайся, освежись. Глядишь, и мозги на место встанут, ведьма чокнутая.

– Гад... Сволочь... Я же... – Ноги коснулись чего-то твердого.

Ошалело глянула вниз.

Дно.

Глубина была мне аккурат по шею.

С бортика раздался хохот. Оборотень так веселился, что аж присел. Ублюдок плешивый! Аркан на шею, и теперь уже я веселюсь, вслушиваясь в плеск и отфыркивание.

Бравый подплыл ко мне и... никакой агрессии я не заметила. Он улыбался. Чуть заметно, но... красиво и по-доброму. Как тогда, после нападения оборотня.

Я скучала по этой его улыбке.

– Мир? – протянул он большую ладонь.

Тот самый, который лучше доброй войны?

– Почему нет? – хмыкнула я, пожимая его руку.

Следует отметить, к моему величайшему удивлению и чести Бравого, что ни через час, ни через два, ни даже ближе к обеду, я всё ещё не пожалела о своём решении заключить шаткое перемирие. Мужчина вёл себя абсолютно нормально. Вернее, настолько нормально, насколько на это способен представитель Иных, оборотень, будущий Вожак и просто тот, кто с юности привык ходить по яркому ковру из разбитых женских сердец.

– Бра... Владислав! – быстро исправилась.

Как я могла забыть, что у нас теперь мир, дружба, жвачка, и фамильярничать нельзя, а то какой-нибудь большой, страшный узурпатор (не будем показывать пальцем...) вновь придёт по мой филей.

– М? – Мужчина, не оборачиваясь, рылся среди кассет, чтобы выбрать фильм, который мы решили посмотреть.

Ага. Мы действительно решили просто посмотреть фильм. Великая Намму, наверное, скатиться ещё ниже уже нельзя.

– А мне вот интересно, – задумчиво прижала палец к подбородку, – от кого столько одежды в шкафчике осталось?

– С миру по нитке – нищему рубашка, – не задумываясь, пропыхтел этот кладезь русской народной мудрости, сосредоточенно читая содержание, написанное на упаковке кассеты.

Вот только я отступать не собирала. Нищему, значит? Ну-ну, а еще, наверно, хромому и убогому в одном флаконе.

– Ла-а-адно. Тогда, другой вопрос.

– М-м-м? – последовала точно такая же реакция от Преемника.

– Насколько далека я от звания первой женщины в твоей постели? – Чуть поддалась вперед, а оборотень даже не обернулся, беря другую коробку и вновь углубляясь в чтение.

– Ты первая в моем сердце.

Красиво ушел со скользкой дорожки.

– Сердце у нас четырехкамерное, Владислав.

– И?

– Если я занимаю первую камеру, то есть еще три особи, составляющие мне вероятную конкуренцию... Звучит неплохо, учитывая, что любая из них сможет тебя охомутать... Эх, мечты...

– Добровольская! – Мужчина резко крутанулся, уставившись на меня злым взглядом, а я растянула губы в проказливой, но беззлобной улыбке

– Что не так? Я просто прикидываю возможные варианты нашего с тобой «долго и счастливо».

– Правда? – заинтересованно подсел ко мне на диван, обращая взгляд на мою персону, что полностью отдалась на просторы женской логики. – И каково мое «долго и счастливо»?

– Ну, ты станешь Вожаком, поднимешь стаю до уровня Королевской⁴, хм... Найдешь свою любовь, женишься, создашь семью и, возможно, наши с тобой семьи даже подружатся...

Усмехнулась, понимая, насколько абсурдно это звучит. Андрей меня больше никогда из поля зрения не выпустит. А к Бравому и на выстрел Царь-пушки не подпустит.

– Наши семьи?!

– Ага, а это уже мое «долго и счастливо»... – тихо проговорила, чуть прикрыв глаза, а Бравый прищурился, следя за малейшей реакцией с моей стороны. – Я вернусь к Андрею, будет красивая свадьба, платье, как у принцессы, торт, гости, семья, друзья... И мы с ним. *Только* мы.

Фигура оборотня напряглась, после чего он сжал мою правую руку, а другой рукой обхватил безымянный палец.

– Я готов откусить этот прелестный пальчик, лишь бы только на нем никогда не красовалось кольцо этого...

– Андрея, – отрезала я прежде, чем он подобрал более красочный и, соответственно, нецензурный эпитет.

Я прямо смотрела на злящегося вера, не отводя глаз. Показывая, что перемирие ничего не изменило в моей вере. В том, что я отдана Зарницкому и ему и буду верна до самой смерти.

А Владислав вдруг вздохнул и растерял всю злость во взгляде.

– Неужели я настолько ужасен? Что ты готова променять счастливое и светлое будущее с тем, кто готов поклоняться тебе, как богине, да простят меня Матери, на неоднозначное продолжение с тем, кто, возможно, и любит тебя лишь по привычке?

– Ты. Ничего. Не. Знаешь! – прошипела уверенно, вырывая руку и отсаживаясь. Еще и подушкой прикрылась, как дополнительный бастион возвела.

– Вит...

– Что там с фильмом? – оборвала я, делая вид, что полностью увлечена выбором кассеты.

Хмыкнув, мужчина рывком встал и, схватив лежащую в стороне от остальных кассету, протянул мне упаковку, а саму ленту с записью уже увлеченно вставлял в видик.

– Бравый, это шутка?

Слова застряли в горле, вызвав почти осязаемое першение. Вер с самым удивленным выражением на морде своей бессовестной обернулся ко мне, и я поняла – не шутка. Черт бы побрал этого...

– Ты не любишь остросюжетные художественные фильмы?

⁴ Виталина, очевидно, имеет в виду иерархическую организацию оборотней. Низшей формой является стая по области или подконтрольной Вожаку территории, такие стаи называются по фамилии Вождя. Следующий уровень – Королевская стая – главная на уровне страны. Дальше – Императорская – главенствующая на континенте. И последний уровень – Стая Совета Братства, ее возглавляет самый доминантный Вожак и оборотень.

– О, конечно, люблю! Правда, не знала, что «Темный грех садовника» относится к их числу! Ух, тут и частей несколько... Многовато он, видать, нагрешил, даже не знаю, засну ли после такого...

– Да ты, Виточка, не переживай. Если что, я всегда готов прийти к тебе на помощь. – Бравый выразительно поиграл темными бровями. В дуэте с дьявольски коварной улыбкой это смотрелось впечатляюще.

В душе гася поистине похабную ухмылку, я равнодушно окинула оборотня взглядом, совершенно не задержавшись на сильных смуглых руках – они единственные были открыты, ибо Вожак надел спортивные штаны и футболку.

– Знаешь, с сильным, красивым, высоким и спортивным мужчиной, – тут взгляд брюнета заискрился золотом, – я совсем не против все это проверить, так сказать... – Сделала паузу, а потом выдохнула, откидываясь на спинку дивана: – Поэтому, когда я его найду, обязательно сообщу тебе о пережитых впечатлениях.

– Если еще будет, что пережить, – пискляво передразнил меня вер на манер женского голоса, и я резко подорвалась, уставившись на него. – А то вдруг у него... кхм... сердечко слабое и за... кончит в последний и самый неподходящий момент... – Мои глаза стали шире, а этот охальник со шкодливой улыбкой первоклассника продолжил, чуть прокашлявшись и вновь делая голос забавно высоким: – Это же какой позор-то? На твои седины-то... В такой позе, в таком месте... Эх, столько вопросов вызовет...

Он использовал против меня мои же слова. Снова. Бородавка злопамятная...

– Да иди ты! – Я швырнула в него подушку и рассмеялась.

От души. Впервые за несколько дней, что находилась в его доме, мне было смешно и весело. Так, как бывало только с Андреем, когда он травил свои непрекращающиеся байки, рассказывая про университет, магические патрули или причуды его маменьки.

В конце концов, меня уговорили на ужастик. Садовник вместе с его грехами был позабыт где-то среди диванных подушек, свет в комнате выключен, а я мысленно настраивала свою психику на то, что ей придется пережить не самые легкие два часа в своей жизни. Не то чтобы меня подначивали или брали на слабо, включая «Кровавые реки с Марса», но...

Я поддалась на дешевую провокацию! Стараясь выглядеть как можно более независимо и спокойно, отодвинулась от оборотня, и между нами появились добрые сорок сантиметров свободного пространства. Что было странно – Бравый на сокращении расстояния не настаивал. Ох, и почему я ничего раньше не заподозрила...

Экран телевизора потемнел, а я про себя начала читать мантру о сильной и независимой женщине. То, что было дальше, легло жирным слоем седины позора на мою голову.

Резко на экране появилась белая, жуткая физиономия, что, визжа, приближалась к зрителю, закатывая глаза как всамделишный зомби.

Взвизгнув, я вцепилась руками в диван, а потом схватила подушку и уткнулась в нее лицом, зажав еще и коленями. На заразительный хохот справа внимания решила не обращать, ибо моя физиономия была слишком красной, что могло дать этому ироду еще один повод посмеяться.

Молодец, Добровольская! Медаль за отвагу!

– Это не смешно! Ты выбрал ужасный фильм!

– Да брось... Ну весело же!

И продолжил потешаться. Чувствую, весело ему было не от фильма, а от меня...

– Не весело, Владислав. Просто ни разу! – возмутилась я, пытаюсь избить этого нахала подушкой. Удары, если и не блокировались, то, достигая цели, все равно не приносили ему значительного ущерба. – Это ужасно! И кошмарно! И... Кто вообще это смотрит? И пуще того – снимает?! Это же издевательство для психики нормальных людей!

– Да ладно, Вит, это еще что! – отмахнулся от меня и подушки вер, продолжая посмеиваться. – Вот когда он ему брюхо вспорет, и кишки ползут в фонтане крови... Вит? Вита? – Секундное молчание, и задумчивое: – Знаешь, нежно-зеленый тебе удивительно к лицу...

Дальше Вожак Бравого Круга договорить не смог, был очень занят – отбивался от меня и моих кулаков. Чисто играючи, конечно, но мне было приятно – всю злость как ветром сдуло. А потом я устыдилась: насилие – не метод, сама же говорила. Но этот чертов оборотень!.. Из-за него все мои принципы и устои летели к чертям, вслед за погибшими нервами и психикой.

Я обиженно отвернулась, сложив руки на груди и всем своим видом олицетворяя вселенскую несправедливость. Сзади прекратили хрюкать от смеха, и над ухом послышалось сопение:

– Вита?.. Ну Ви-и-и-та-а! – замогильным шепотом позвал оборотень. – Ну что ты дуешься? Не дуйся! Витка! – почти гавкнул мужчина, одновременно двумя пальцами тыкая под ребра. Я молниеносно развернулась, и мой кулак возмутительно легко перехватили. – Хочешь, что-нибудь другое посмотрим?

– Например? – настороженно отозвалась я. В почти родные казематы, пардон – комнаты, возвращаться не тянуло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.